

• ИВ ЭНЦЛЕР •

МОНОЛОГИ ВАГИНЫ

Ив Энцлер

Монологи вагины

*Посвящается Ариэлю,
который сводит с ума мою
вагину
и взрывает мое сердце.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глория СТЕЙНЕМ

Я представитель поколения «там». То есть именно так, изредка и почти шепотом, женщины моей семьи называли все половые органы, наружные и внутренние.

Не то чтобы они не имели представления о таких терминах как «вагина», «половые губы» или «клитор». Наоборот, они ведь получили педагогическое образование и наверняка имели неограниченный доступ к информации.

Они не были закрепощенными, или, как бы сказали они сами, нетерпимыми. Одна из бабушек получала деньги от своей строгой протестантской церкви за то, что писала проповеди, из которых не верила ни одному слову. А потом она делала ставки на скачках и зарабатывала еще больше. Другая была педагогом, суфражисткой и даже начинающим политиком, чем были недовольны многие представители ее еврейского сообщества. Моя же мама, например, работала репортером в прогрессивной газете задолго до моего рождения. В дальнейшем она очень гордилась, что обе ее дочери росли более просвещенными по сравнению с тем, как воспитывали ее. Не помню, чтобы она говорила о женском теле как о чем-то грязном или постыдном, и я очень ей за это благодарна. Дальше вы увидите, что некоторые девочки росли в куда более сложных условиях.

Однако я никогда не слышала точных определений, тем более слов, произносимых с гордостью. К примеру, я

ни разу не слышала слова «клитор». Прошли годы, прежде чем я узнала, что женщины обладают единственным в человеческом теле органом, который предназначен исключительно для удовольствия. А если бы такой уникальный орган был в мужском теле? Только представьте, как часто мы бы о нем слышали, и для каких поступков он бы служил оправданием! Поэтому когда я училась говорить, писать, заботиться о своем теле, я узнавала названия всех его важных частей, кроме одной неупомянутой области. Так я оказалась не готова к обидным словам и грязным шуткам в школе, а позже и к утверждению, что мужчины (любовники или врачи) знают о женском теле больше, чем мы сами.

Впервые ощущение самопознания и свободы, которое вы обнаружите на этих страницах, появилось у меня в Индии, где я жила в течение нескольких лет после окончания колледжа. В индуистских храмах и местах поклонения я видела лингам, абстрактный символ пениса. Там же я впервые увидела и йони, символ влагалища в форме двух- или трехвершинного овала, напоминающего цветок. Мне пояснили, что тысячи лет назад йони была более могущественна, чем мужской символ. Истоки поклонения уходят в тантризм, в основе которого лежит убеждение, что мужчина может достигнуть духовного совершенства только через сексуальное и эмоциональное единение с женщиной и ее высшей духовной энергией. Этот принцип был так глубоко и широко распространен, что даже монотеистические религии, которые появились позже и принижали роль женщины, сохранили его в своих устоях, хотя ведущие религиозные лидеры всегда его отрицали и до сих пор считают его ересью.

К примеру, христиане-гностики боготворили Софию как женское начало Святого Духа и считали Марию Магдалину мудрейшей из апостолов Христа. Тантрический буддизм до сих пор учит, что сущность Будды заключена в вульве. Мистики исламского суфизма верят что фана, или наслаждение, достигается только с помощью фраваша, женской сущности. Шехина в иудейском мистицизме — это разновидность Шакти, женского начала Бога. Даже некоторые ответвления католической церкви, прославляя Деву Марию, больше боготворят Мать, чем Сына. Во многих странах Азии и Африки, а также в других частях света, там, где боги до сих пор изображаются как в мужском, так и в женском облики, алтарь представляет собой Жемчужину в чаше Лотоса или другие символы, олицетворяющие «лингам в йони». Индуистские богини Дурга и Кали являются воплощением сил йони, управляющих рождением и смертью, сотворением и разрушением.

По возвращении домой я поняла, что американские представления о женском теле слишком далеки от культа йони и восточного мировоззрения. Даже сексуальная революция 1960-х привнесла в эту сферу только одно: женщины стали сексуально доступней для мужчин. «Нет» 1950-х просто сменилось на постоянное, готовое на все «да». Это продолжалось вплоть до расцвета феминизма в 1970-х, когда появились разнообразные альтернативы, от традиционных религий до фрейдизма, от двойных стандартов сексуального поведения до единого для патриархальной, политической, религиозной среды контроля над женским телом как над средством воспроизводства.

Первые годы открытий связаны у меня с воспоминаниями о прогулках по Дому Женщин, который

организовала Джуди Чикаго в Лос-Анджелесе. Каждой из женщин-художниц была предоставлена комната, и именно там мне впервые открылся символизм нашей культуры. К примеру, форма, которую мы воспринимаем как сердце, своей симметрией больше напоминает влагалище, чем ассиметричный орган, название которого эта форма носит. Возможно, это отголосок символа женского влагалища. Но олицетворяемая им сила была заменена романтикой времени, в котором господствовали мужчины. Сидя в одной из кофеен Нью-Йорка с Бетти Дотсон (вы встретитесь с ней на страницах этой книги), я пыталась вести себя как ни в чем не бывало, пока она шокировала невольных слушателей энергичным описанием мастурбации как способа освобождения. А когда я однажды заглянула в журнал «Ms.», то обнаружила среди прочих шуточных заголовков: «Сейчас 10 вечера. Ты знаешь, где твой клитор?» А когда феминистки стали носить значки и футболки с надписью «CUNT POWER!» («Власть Пизды!»), чтобы вернуть ценность слову «cunt», я смогла прочувствовать возрождение древней силы. В конце концов, индоевропейское слово «cunt» было образовано от обращений к богине Кали «Кунда» или «Кунти», которые имеют общий корень со словами «kin» (род) и «country» (страна).

Эти три десятилетия феминизма были также отмечены сильными волнениями, поскольку открылись новые факты насилия над женским телом: изнасилования, педофилия, унижение лесбиянок, физическая жестокость по отношению к женщинам, сексуальные домогательства, ограничение деторождения, международные преступления, связанные с женским обрезанием. Все эти неизвестные ранее действия были

разоблачены, что помогло уберечь многих женщин. Мы обратили свою ярость в энергию созидания, чтобы подавить ответное насилие и залечить душевные травмы. Частью взрывной волны, творческим выплеском энергии, рожденной словами правды, и стали эта книга и спектакль по ней.

Когда я впервые смотрела пьесу, где Ив Энцлер произносила очень личные вещи, рассказанные ею также и во многих интервью и переведенные на язык театра, я думала: «А ведь я все это уже знаю. Мы живем среди этой правды последние тридцать лет». Так и есть. Женщины доверили ей свои самые интимные переживания, от секса до родов, от необъявленной войны против женщин до новой свободы в женской любви. На каждой странице — сила слов, ранее запретных, поэтому и мощь книги в том, что скрыто за словами. Один издатель заплатил Ив аванс за право на публикацию, но потом, тщательно все взвесив, решил оставить деньги автору, только бы она отнесла книгу вместе со всеми словами на «в» в какое-нибудь другое издательство.

Но ценность «Монологов вагины» гораздо глубже, нежели раскапывание прошлого, исполненного негативного опыта. Книга открывает индивидуальный для каждой путь в будущее, с любовью к своему телу. Думаю, что читатели, как мужчины, так и женщины, почерпнут из этих страниц ощущение свободы в восприятии не только себя и друг друга, но и альтернатив патриархальному дуализму «мужчина — женщина», «тело — разум», «секс — духовность», который берет начало в делении нашего тела на «части, о которых говорят» и «части, о которых молчат».

Если вам кажется, что книга со словом «вагина» в заголовке далека от философских и политических вопросов, приведу в пример еще одно мое запоздалое открытие. В 1970-х, проводя исследование в библиотеке Конгресса, я наткнулась на неприметную работу об архитектуре религиозных сооружений. В ней заявлялось, что традиционная архитектура древних мест поклонения копирует очертания женского тела. Причем факт этот подавался как общеизвестный. Например, вход сначала в притвор, а потом уже в храм — это большие и малые половые губы, центральный проход к алтарю — вагина, два изогнутых боковых нефа — яичники, и священное место в центре, алтарь, — это матка, в ней происходит чудо, и мужчина дает начало новой жизни.

Это сравнение было для меня новым и потрясло до глубины души. Конечно, думала я. В главной церемонии патриархальных религий мужчина вбирает в себя энергию йони, силу сотворения, символично порождая новую жизнь. Неудивительно, что главы мировых религий, мужчины, так часто говорят, что человек рождается во грехе: любой из нас рожден женщиной. И только подчиняясь правилам патриархата, мы можем переродиться, очиститься. Неудивительно, что священники обходят нас, разбрызгивая над нашими головами святую воду — подобие продолжающего род семени, дают нам новые имена и обещают перерождение в вечную жизнь. Неудивительно, что духовенство старается держать женщину подальше от алтаря, так же, как нас пытаются лишить возможности контролировать наши собственные силы деторождения. Все эти ритуалы, символические или реальные, посвящены контролю над силой, заключенной в женском теле.

С тех пор я никогда не чувствовала прежнего отчуждения, входя в храм. Наоборот, я прохожу по нефу, вхожу в «вагину» и представляю, как к алтарю вернуться те священники — и мужчины, и женщины, — которые не будут унижать женскую сексуальность, и развенчают миф об исключительной мужской роли в Сотворении мира, и преумножат священные слова и символы, и возродят идею присутствия Духа Божьего во всех живых созданиях.

Если свержение пятитысячелетнего патриархата кажется чрезмерно глобальной задачей, просто сосредоточьтесь на праздновании отдельных значимых шагов на этом пути.

Я думала об этом, наблюдая, как маленькие девочки рисуют сердечки в блокнотах или ставят сердечко в основании восклицательного знака. Интересно, не потому ли их так влечет этот первобытный знак, что он похож на часть их тела? Я вернулась к этой мысли, беседуя с группой около двадцати шестнадцати-девятнадцатилетних одиноких девушек, которые недавно пришли к осмыслению слов: вагина, губы, клитор. После той беседы эта «магическая связка» стала их любимой. И, что самое важное, обсуждение продолжилось со смехом и спорами. Какой, однако, долгий и благословенный путь избавления от презрительного отношения к «тому месту»!

Хотела бы я, чтобы мои праматери знали, что их тело священно. Я верю, что благодаря яростным и честным словам этой книги будущие бабушки, матери и дочери исцелятся и сделают мир лучше.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я не знаю точно, почему была избрана. У меня, например, не было детской мечты стать «Леди Вагиной» (так меня часто называют, иногда очень громко, например, в переполненном обувном отделе). Я и представить не могла, что однажды буду рассуждать о вагинах на ток-шоу в Афинах, нараспев повторять слово «вагина» вместе с тысячами восторженных женщин Балтимора или испытывать тридцать два публичных оргазма за вечер. Такого в моих планах не было. С этой точки зрения у меня вообще было мало общего с персонажами «Монологов вагины». Но они словно захватили меня.

Теперь я понимаю, что всегда была главным кандидатом на эту роль. Я была драматургом. Я была феминисткой. Мой отец унижал меня сексуально, я страдала от домашнего насилия. У меня были эксгибиционистские наклонности. Я была известна своим экстремизмом и больше всего на свете хотела найти обратный путь к собственной вагине.

Я в точности не помню, с чего все началось. Кажется, с беседы с одной пожилой женщиной о ее вагине — она так презрительно говорила о своих половых органах, что шокировала меня. Она заставила меня задуматься о том, что другие женщины думают о своих вагинах. Помню, как я расспрашивала подруг, и они удивляли меня своей открытостью, готовностью делиться своими ощущениями и соображениями. Одна даже сказала, что если вагину одеть, та предпочтет берет. В то время подруга переживала увлечение оральным сексом.

Я не помню, как именно писала эту пьесу. Я просто попала в плен к вагинальным демонам. Я никогда не делала набросков к пьесе, не выстраивала ее сознательно. Она вообще изначально не предназначалась для печати. Я спрашивала у женщин об их вагинах, когда писала другую, «настоящую» пьесу. Но мой гражданский муж Ариэль Орт Джордан (я убеждена, что над ним тоже потрудились вагинальные демоны) убедил меня отнестись к этим материалам всерьез, прочувствовать пьесу и составить план. Но даже после этого «Монологи вагины» не стали частью моего бизнеса.

Я на виду. Я работаю, чтобы оставаться в форме. Я черпаю силы из «мокко фрапуччино». Я стараюсь держаться до последнего. И со мной порой случаются чудеса. Сейчас поясню, что я имею в виду.

Я никогда не была актрисой. Только через три года участия в «Монологам вагины» до меня дошло, что я действительно играю на сцене! Но пока я этого не осознавала, я думала, что просто рассказываю чьи-то очень личные истории, которыми со мной щедро поделились. Я чувствовала, как искренне и порой неистово защищаю всех этих женщин и их истории. Рассказывая, я не могла пошевелиться. Я должна была сидеть на стуле с высокой спинкой и подставкой для ног. Это было похоже на ежевечерний полет на космическом корабле. Я должна была говорить в микрофон даже в таких местах, где меня отлично слышали и без него. Микрофон иногда служил рулем, а иногда и ручкой переключения скорости.

В первые годы я была обязана носить чулки и тяжелые мужские ботинки на сцене. Позже, когда мой

режиссер Джо Мантелло разрешил мне их снять, я выступала исключительно босиком.

Я должна была держать в руках пять — восемь карточек в течение всей пьесы, несмотря на то, что помнила текст наизусть. С их помощью создавалось ощущение, что женщины, у которых я брала интервью, незримо присутствуют рядом.

Рассказы вагины нашли меня, как позже находили люди, которые хотели поставить пьесу или привезти ее в свой город. Каждый раз, когда я пыталась написать приемлемый для общественного сознания монолог, ничего не получалось. И еще учтите: у меня нет монологов о менопаузе или смене пола. Я пыталась.

«Монологи вагины» привлекают внимание сами по себе, без рекламы.

За время существования пьесы произошло много всего. Много почти нереального и одновременно совершенно логичного. Вот примеры.

Заголовки газет:

«Девушка стремится „туда“» (Марио Томас^[1] о «Монологам»).

«Грязные словечки жены мэра» (решение Донны Ганновер^[2] участвовать в «Монологам»).

¹ Марио Томас — телеведущий и писатель, автор книг «Путеводитель журнала „Playboy“ по барам», «Поваренная книга полуночника» и т. д.

² Донна Ганновер — актриса и продюсер, звезда сериала «Закон и порядок», бывшая жена мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани.

Красные боа на главной странице шести лондонских газет на следующий день после «Дня V» в Олд-Вике, и все газетные стойки Британии были похожи на море вагин.

Телевидение:

Кэти Ли Гиффорд^[3] распевает слово «вагина» вместе с Калистой Флокхарт^[4] и аудиторией ее студии на передаче «В прямом эфире с Рэгис и Кэти Ли».

Дэвид Леттерман^[5] пытается произнести «вагина», но не может.

Барбара Уолтерс^[6] признается на передаче «Точка зрения» что «Монологи» смутили ее своей откровенностью. Но позже она отказалась от своих слов.

«Си-эн-эн» делает десятиминутный спецвыпуск о «Монологах», но не произносит ключевых слов.

В одной из серий родители Дармы и Грега^[7] покупают билеты на «Монологи».

³ Кэти Ли Гиффорд — сценарист, певица и актриса, обладательница 11 премий «Эмми».

⁴ Калиста Флокхарт — актриса, звезда сериала «Элли Макбил».

⁵ Дэвид Леттерман — актер, телепродюсер, ведущий популярного вечернего ток-шоу.

⁶ Барбара Джилл Уолтерс — актриса, ведущая новостей, влиятельная персона в мире СМИ.

⁷ «Дарма и Грег» (1997–2002) — популярный американский комедийный сериал.

Вагинослучаи из пьесы:

Гленн Клоуз^[8] заставляет 2500 человек вскочить с мест, и все вместе они скандируют слово «пизда».

Тове Фельдманштерн^[9] запрещают ставить «Монологи» в ее прогрессивной школе для девочек, но она все равно сама организует представление.

Женщина-раввин посылает мне булочку хаманташ^[10] и описывает ее сходство с вагиной.

В Вестлейском университете открылись «Курсы Пизды».

Женщина приносит свою удаленную матку в театр, чтобы я на ней расписалась.

Юноша приглашает меня на ужин к его родителям в Атланте, штат Джоржия, и готовит салат «Вагина». Бобовые побеги в нем изображают волосы на лобке.

Розиэн выступает перед двумя тысячами зрителей в нижнем белье с надписью «Чем пахнет твоя вагина?». Она говорит не по сценарию, импровизирует: «Чем пахнет твоя вагина? ОТВЕТ: Лицом мужа».

Аланис Мориссетт^[11] и Одра Макдональд^[12] поют песню пизды.

⁸ Гленн Клоуз — актриса, звезда фильмов «Опасные связи», «Роковое влечение», «101 далматинец»; 5 раз номинировалась на «Оскар».

⁹ Това Фельдманштерн — выдающийся американский педагог.

¹⁰ Традиционная еврейская выпечка к празднику Пурим.

¹¹ Аланис Мориссетт — канадско-американская певица, продюсер и актриса.

¹² Одра Макдональд — американская актриса и певица, 4 раза номинировалась на

Женщины и мужчины падают во время шоу в обморок. Это часто случается. И всегда в одном и том же месте.

Люди приносят и присылают вещи в виде вагины: самодельные стеклянные скульптуры, игрушки, лампы, леденцы в форме клитора, декоративные вещицы в форме конуса.

На вечеринке «Дня V» в Лондоне на столе висит огромный торт-вагина, но ее нельзя резать. Сотни изысканных участниц едят розово-лиловый торт-вагину руками. Кусок с клитором выставлен на аукцион, и Танди Ньютон^[13] покупает его за двести фунтов.

«Монологи вагины» идут в театрах и публикуются более чем в двадцати странах, включая Китай и Турцию.

Организаторам «Дня V» очень сложно найти спонсоров для проекта. Даже фирмы, продающие интимную продукцию, не хотят иметь ничего общего со словом «вагина».

Женщины звонят и заказывают билеты на «Монологи», эти люди говорят: «Хроники вагины». Тогда продавец билетов, панк, отвечает им: «Не можете произнести название — значит, не сможете прийти». Молодая женщина из числа участниц шоу врывается в мою гримерку и говорит, что на самом деле ее дырка не пересохла. Это ложь. Две пожилые израильтянки в Иерусалиме также вбегают в гримерку, обнимают меня и даже не замечают, что я голая. Шестидесятилетний

премию «Тони».

¹³ Танди Ньютон — английская актриса американского происхождения, звезда фильмов «Миссия невыполнима 2», «Хроники Риддика»

мужчина словно в трансе, без предупреждения заходит в мою примерку после шоу и объявляет, что наконец-то он «всё понял». Два месяца спустя он приводит подругу, и она говорит мне спасибо. Акушерки берут примерку штурмом и благодарят за внимание к естественным телесным выделениям. В последнем спектакле «Монологов» играет трансвестит.

Вагина — это чудеса, происшествия, случайности. Они продолжаются. Главное чудо — это «День V», его энергия, динамика. Это катализатор, приближающий день прекращения насилия над женщинами, он рожден «Монологами вагины». Я ездила с гастрольями по городам и странам, и сотни женщин ждали меня после шоу, чтобы рассказать о своей жизни. Пьеса каким-то образом высвободила их воспоминания, боль, желание. Каждую ночь я слушала похожие истории: о том, как они были изнасилованы в детстве, в колледже, в зрелом возрасте, как боялись уйти от мужей, которые регулярно избивали их до полусмерти, как они наконец ушли, как с ними занимались сексом их отчимы, братья, кузены, дядья, матери и отцы, когда они сами еще не знали, что такое секс. Я начала сходить с ума: мне словно открылась дверь в другой мир, я узнавала о том, чего не должна была знать, ведь такое знание опасно. Пусть медленно, но я осознала, что самое важное — это остановить насилие над женщинами. Надругательство над женщинами убивает в человеке стремление уважать и защищать жизнь. Этот погибающий мир, если мы его не исправим, убьет нас всех. И не думаю, что я преувеличиваю. Когда вы насилуете, бьете, калечите, уродуете, поджигаете, терроризируете, сводите в могилу, вы разрушаете главную энергию жизни на планете. То,

что должно открываться, доверять, выпитывать, творить и жить, вы подавляете, оскопляете, уничтожаете. В 1997 году я встретила группу женщин-активисток, в основном из сообщества под названием Feminst.com, и мы организовали «День V». Вагина окутана тайной, и мы вовлечены в эту тайну, мы выступаем, закладываем основу, поддерживаем форму, а остальное делают вагинальные демоны. 14 февраля 1998 года — день рождения первого «Дня V». Двести пятьдесят человек собрались перед залом Хаммерштейн в Нью-Йорке ради нашего первого грандиозного праздника. Принять участие в «Монологам» согласились Вупи Голдберг, Сюзан Сарандон, Гленн Клоуз, Уайнона Райдер, Мариса Томей, Ширли Найт, Льюис Смит, Кэти Наджими, Калиста Флокхарт, Лили Томлин, Хэзел Гудманн, Маргарет Чо, Хана Энцлер-Ривел, БЕТТИ, группы «Klezmer Women» и «Ulali», Иби Сноу, Глория Стейнем, Сорайя Мире и Роза Перец. Этот революционный вечер собрал более ста тысяч долларов и дал старт движению «День V». С тех пор было проведено множество вечеров с участием мировых знаменитостей. В 1999 году в Лондонском театре Олд-Вик в «Дне V» блеснули Кейт Бланшетт, Кейт Уинслет, Мелани Гриффит, Меера Сиал, Джулия Савалха, Джоли Ричардсон, Руби Вакс, Эдди Ридер, Кэти Пакрик, Дани Бер, Наташа Макэлун, Софи Даль, Джейн Лапотер, Танди Ньютон и Джиллиан Андерсон.

В 2000 году «День V» праздновали в Лос-Анджелесе, Санта-Фе, Сарасоте, Аспене, Чикаго. Через три года его отмечали уже более трехсот колледжей, а в постановке пьесы активно участвовали и студенты, и преподаватели. Представления стали приносить доход, а участники и зрители начали

понимать, как важно остановить насилие над женщинами. Доход от «Монологов вагины» для «Дня V» на Бродвее составляет около миллиона долларов. Деньги от всех дальнейших представлений также пойдут на поддержку и развитие нашего движения. Фонд «Дня V» помогает обычным женщинам по всему миру, кое-где члены нашего движения с риском для жизни пытаются защитить других женщин и прекратить насилие. В Афганистане существует Революционная организация женщин Афганистана, работа которой посвящена освобождению женщин от гнета Талибана. При талибском режиме запрещено работать, учиться, обращаться к врачу, выходить из дома без мужского сопровождения. Женщины скрыты под паранджой, но она не спасает от насилия или убийств. Фонд «Дня V» помогает этой организации обучать женщин в нелегальных школах, фиксирует случаи правонарушения, развивает женское движение. В Кении мы поддерживаем «Тасару Нтомонок» (Организацию защиты материнства), часть «Мандеоло», проекта, направленного на запрет ритуала обрезания гениталий у маленьких девочек и введение современной версии ритуала без увечий. Недавно мы приобрели для них красный джип, чтобы члены организации могли ездить по деревням, читать лекции и предотвращать увечья. В Хорватии мы сотрудничаем с Центром женщин — жертв военных действий. С нашей помощью они открывают центр реабилитации жертв насилия в бывшей Югославии. Центр будет также обучать женщин из Косово и Чечни работе с теми, кто подвергся изнасилованию или получил травмы во время войны в этих странах. «День V» сотрудничает с Центром планирования семьи, внедряя в существующие у них программы стратегию

предотвращения и прекращения насилия над женщинами. Список можно продолжать до бесконечности. Что удивительно, «День V», также как и «Монологи вагины», появился, потому что должен был появиться. Может, его появлению способствовал телефонный звонок или поручение? Я подозреваю, здесь не обошлось без вагинальных демонов. Что-то возникает помимо нашей воли. Это и волшебство, и реальность одновременно. Необходимо, чтобы мы выступали, обучали, влияли на общественное сознание. Чтобы человеческая раса продолжала свое существование, женщины должны быть защищены, должны ощущать свою силу. Эта идея очевидна, но, как и вагина, она требует к себе внимания и любви, чтобы раскрыться полностью.

МОНОЛОГИ ВАГИНЫ

Могу поспорить, вы волнуетесь. Я лично волновалась. Поэтому и взялась за эту книгу. Меня беспокоили вагины. Меня беспокоило, что мы о них думаем, и еще больше — чего мы о них не думаем. Я волновалась за свою вагину. Мне хотелось узнать как можно больше и о других вагинах, нужно было создать сообщество, субкультуру вагин. Вокруг нее столько тайн и загадок, прямо как вокруг Бермудского треугольника. Оттуда не поступает никаких известий.

Начнем с того, что иногда ее не так-то просто найти. Женщины не заглядывают туда по несколько недель, месяцев, а то и лет. Я брала интервью у одной очень влиятельной бизнес-леди, которая сказала, что слишком занята, у нее нет времени, чтобы взглянуть туда. Ведь чтобы рассмотреть свою вагину, требуется чуть ли не целый день, рассказывала она. Тебе нужно лечь на спину напротив большого зеркала, идеальный вариант — зеркало в полный рост. Важно правильно подобрать позу и освещение: зеркало должно быть освещено под удобным для тебя углом и чуть затемнено. Ты вся скручиваешься. Вытягиваешь шею, выгибаешь спину. Это утомительно. Бизнес-леди сказала, что у нее нет на все это времени. Она занята. Поэтому мне пришло в голову поговорить с женщинами об их вагинах, взять у вагин интервью, которые потом стали их монологами. Я расспросила более двухсот женщин. Я говорила с пожилыми, молодыми, замужними, одинокими, лесбиянками, профессорами из колледжей, актрисами,

служащими из крупных корпораций, профессионалками секс-индустрии, негритянками, испанками, азиатками, индианками, белыми женщинами, еврейками. Сначала они говорили неохотно. Были немного смущены. Но стоило им разговориться, и их уже было не остановить. Женщины втайне любят говорить о своих вагинах. Они приходят в восторг, в основном, потому, что раньше их об этом никто не спрашивал. Давайте просто произнесем вслух слово «вагина» или даже «влагалище». В лучшем случае оно звучит как инфекция, или, может, медицинский инструмент. «Быстрее, сестра, принесите мне влагалище!»

«Вагина».

«Вагина». Не важно, сколько раз ты это повторишь, но никогда это слово не будет звучать приятно. Его не хочется произносить. Это абсолютно нелепое, совершенно несексуальное слово. Если его произнести во время любовной игры: «Милый, поласкай мое влагалище», — все закончится, даже не начавшись.

Меня беспокоят вагины. То, как мы их называем, и то, как не называем. В Грейт-Нек ее зовут «киской». Одна местная женщина рассказала мне, что ее мама обычно повторяла: «Дорогая, не одевай трусики под пижаму, пусть киска дышит». В Вестчестере ее называют травкой, в Нью-Джерси — мандой. Ее называют пудреницей, подмашкой, дыркой, вонючкой, пипкой, пилоткой, розанчиком, подружкой, бутончиком, персиком, вертихвосткой, мадам, мундштуком, пиписькой, пирожком, губешками, любопытной Варварой, целкой, пи-пи, лошадкой, пушистой норкой, туземкой, пижамой, щелкой, свежачком, пизденкой, давалкой, красоткой, приманкой, писюлей, баю-бай — в Майами,

пюрешкой — в Филадельфии, дурилой — в Бронксе. Вагины беспокоят меня до крайности.

Некоторые монологи — это практически дословная запись рассказа какой-нибудь женщины. Другие состоят из интервью с разными женщинами. Кое-какие только начинались как интервью, а потом перетекали в приятную беседу. Этот монолог записан практически слово в слово, но подобная тема возникала почти в каждом интервью и часто оказывалась болезненной.

ВОЛОСЫ

Вы не полюбите вагину, не полюбив волосы. До многих это не доходит. Мой первый и единственный муж ненавидел волосы. Он говорил, что они мешаются и собирают грязь. Он заставлял меня брить вагину. Она выглядела припухшей, беззащитной, как у маленькой девочки. Это его возбуждало. Когда он занимался со мной любовью, моя вагина чувствовала то, что, наверное, ощущает подбородок во время бритья. Довольно болезненно. Похоже на расчесанный комариный укус. Кожа горит. На ней воспаленные красные пупырышки. В один прекрасный момент я отказалась брить ее. А потом муж стал ходить налево. На приеме у семейного психолога он объяснил, что изменяет мне, поскольку я не удовлетворяю его сексуально. Не хочу брить вагину. У психолога был сильный немецкий акцент, она делала долгие паузы между предложениями, вроде как демонстрируя сочувствие. Она спросила,

почему я не хочу сделать мужу приятно. Слишком странный способ, сказала я. Без волос я чувствовала себя маленькой. Даже начинала говорить детским голоском. А кожа была до того раздражена, что и смягчающий бальзам не помогал. На что немецкая дама ответила мне, что замужество — это постоянный компромисс. Я спросила: если я буду брить вагину, перестанет ли муж трахаться на стороне. Я спросила, много ли в ее практике было подобных случаев. Она ответила, что своими вопросами я пытаюсь оправдаться. А мне следует смириться, привыкнуть. Она была уверена, что нас с мужем ждет светлое будущее.

В тот раз, когда мы вернулись домой, я позволила мужу самому выбрить мою вагину. Это было ему наградой за поход к психологу. Он пару раз порезал меня, в ванну капнуло немного крови. Но он даже не заметил, так он был счастлив. Позже, когда муж входил в меня, я чувствовала, как в мою обнаженную, припухшую вагину вонзаются его жесткие, колючие волосы. Никакой защиты. Не было моего пушка.

Я поняла, что волосы там не просто так. Они как листья вокруг цветка, лужайка вокруг дома. Нужно любить волосы, чтобы полюбить вагину. Нельзя любить по частям. Кроме того, муж так и не перестал мне изменять.

Я задавала женщинам один и тот же вопрос. Потом выбирала лучшие ответы. Хотя, должна вам сказать, не было ни одного ответа, который бы мне не понравился. Я спрашивала женщин:

ЕСЛИ БЫ ВАША ВАГИНА НОСИЛА ОДЕЖДУ, ЧТО БЫ ОНА ВЫБРАЛА?

Берет.

Кожаный пиджак.

Шелковые чулки.

Муфту.

Розовое боа.

Смокинг.

Джинсы.

То, что лучше сидит.

Изумруды.

Вечернее платье.

Блестки.

Только «Армани».

Балетную пачку.

Прозрачное черное белье.

Бальное платье из тафты.

Что-нибудь, что легко отстирывается.

Маскарадную маску.

Сиреневую бархатную пижаму.

Ангорку.

Красный бант.

Горностай и жемчуг.

Огромную шляпу, всю в цветах.
Леопардовую шляпу.
Шелковое кимоно.
Очки.
Спортивные брюки.
Татуировку.
Электрошокер от непрошенных посетителей.
Высокие каблуки.
Кружево и грубые сапоги.
Алые перья, парик и ракушки.
Хлопок.
Фартук.
Бикини.
Макинтош.

ЕСЛИ БЫ ВАША ВАГИНА МОГЛА ГОВОРИТЬ, ЧТО БЫ ОНА СКАЗАЛА?

Помедленнее.
Это ты?
Накорми меня.
Хочу.
Ням-ням.
Да!
Еще раз.

Нет, вот туда.

Лизни меня.

Оставайся дома.

Вот это смело.

А если подумать?

Умоляю, еще!..

Обними меня.

Поиграем?

Не останавливайся.

Еще, еще.

Помнишь меня?

Входи.

Не сейчас.

Ух, мамочки!

Да, да.

Трахни меня.

Ну, входи на свой страх и риск.

О боже.

Господи, спасибо.

Я здесь.

Давай.

Найди меня.

Спасибо.

Бонжур.

Слишком сильно.

Не сдавайся.

Где Брайан?

Так-то лучше.

Да, туда. Туда.

Я взяла интервью у нескольких женщин в возрасте от шестидесяти пяти до семидесяти пяти. Их рассказы были наиболее пронзительными. Возможно, дело в том, что никто и никогда не говорил раньше с этими женщинами о вагине. К сожалению, большинство из них знали о своих вагинах до смешного мало. Я лишней раз порадовалась, что мне довелось расти в эпоху феминизма. Одна из женщин (ей было семьдесят два года) никогда не видела свою вагину. Она прикасалась к себе, когда мылась в душе, и никак иначе. Она ни разу в жизни не испытала оргазма. И вот, будучи уже в весьма почтенном возрасте, она решила пройти курс психотерапии. Однажды, по совету врача, она пришла домой, в одиночестве зажгла свечи, приняла ванну, поставила расслабляющую музыку и занялась самопостижением. Ей потребовалось на это больше часа, ведь у нее были больные суставы. Но когда она наконец обнаружила клитор, то расплакалась от счастья. Этот монолог посвящается ей.

ПОТОП

(Монолог читает еврейка с акцентом жительницы Квинса)

Там, внизу? Я туда не заглядывала аж с 1953 года. Нет, Эйзенхауэр тут ни при чем. Нет-нет, просто там как в подвале. Очень влажно и липко. И спускаться туда совсем не хочется. Уж поверьте мне. Вас начнет мутить. Там душно. Тошнотворно. Запах сырости, плесени и прочего. Уфф... Пахнет непереносимо. Запах впитывается в одежду.

Нет, никакой аварии там не было. Ни взрыва, ни пожара, ничего подобного. Все не так страшно. То есть... нет, неважно. Пустяки.

Нет, я не могу обсуждать это с вами. Для чего такой милой девушке, как вы, расспрашивать пожилых женщин о том, что у них «там»? Во времена моей молодости мы об этом не говорили. Что? О господи, ну ладно, хорошо.

Был у меня один приятель, Энди Лефтков. Он был прекрасен, ну, во всяком случае, я так считала. Высокий, как и я. Он мне и вправду нравился. Однажды он пригласил меня на свидание. В машине...

Нет, я не могу рассказывать вам такие вещи. Не могу говорить о том, что у меня «там». Просто знаешь, что что-то есть — и всё. Как подвал. Иногда там что-то шумит. Так гудят трубы, когда в них что-то попадает: насекомые, всякая мелочь. Там сырость. Иногда что-нибудь ломается, и приходится спускаться и устранять протечки. В остальное время дверь закрыта. И о подвале забывают. Это часть дома, но ее не видно, о

ней не думаешь. Она просто должна быть, иначе что же это за дом без подвала?

Ах, Энди... Энди Лефтков. Что ж... Энди был очень красив. Отличная партия для девушки. Это так называлось в мое время. Мы были в его машине, новом белом «шеви-бельзёр». Помню, я прямо зациклилась на том, что моим ногам там тесновато. У меня длинные ноги. Коленки доставали до самой приборной доски. Я смотрела на свои большие колени, и вдруг он меня поцеловал в такой необычной манере типа «возьми ее дерзко, как это делают в кино». Я возбудилась, да так сильно, что у меня «оттуда» просто поток хлынул. Я не могла его сдерживать. Это была сила моей страсти, поток жизни, льющийся из меня, прямо через трусики, прямо на сиденье его новой машинки. Я не обмочилась, нет, но запах был. Я-то сама, честно говоря, ничего не чувствовала, но он, Энди, сказал, что пахло скисшим молоком, а на сиденье остались пятна. «Просто вонючка какая-то, а не девчонка», — сказал он. Я хотела объяснить, что поцелуй застал меня врасплох, что обычно такого не бывает. Я пыталась вытереть влажные следы своим платьем. На мне было новое бледно-желтое платье, оно выглядело ужасно с разводами, оставшимися от моего «потопа». Энди отвез меня домой, и с тех пор мы больше ни словечком не перемолвились. Когда я вышла из машины и закрыла за собой дверь, я одновременно закрыла для себя все, что у меня «там». На замок. Никогда больше не отпирала. Еще несколько раз ходила на свидания, но мысль о «потопе» слишком нервировала меня. Я даже никогда не была ни с кем близка.

Но у меня раньше были сны, сумасшедшие сны. Они как наваждения. Что за сны? Берт Рейнольдс. Я не знаю,

почему именно он. В жизни мы с ним вообще ни разу не встречались. А вот во сне... Всегда Берт и я. Берт и я. Берт и я. Мы на свидании. Берт и я. В каком-то ресторане, вроде как в Атлантик-Сити, зал просторный, с канделябрами, и все в таком духе. И тысячи официантов в жилетах. Берт дарит мне бутоньерку с орхидеей. Я прикалываю ее к блузке. Мы смеемся. Мы всегда смеемся. Берт и я. Едим креветочный коктейль. Огромные, сказочные креветки. Мы смеемся все заразительнее. Мы очень счастливы вместе. Он заглядывает мне в глаза, притягивает к себе прямо посреди ресторана и только собирается меня поцеловать, как комната начинает дрожать, из-под стола вылетают голуби (уж не знаю, что они там делали), и начинается потоп. Прямо оттуда. Он извергается из меня. Льется и льется. Там плавают рыбки и маленькие лодочки. Весь ресторан заполняется моей влагой, Берт стоит по колено в ней, он ужасно во мне разочарован — я снова опростоволосилась. Он в ужасе наблюдает, как его друзья — Дин, Мартин и другие — проплывают мимо нас в своих смокингах и парадных костюмах.

Теперь я таких снов не вижу. С тех пор как у меня всё «там» вырезали. Удалили матку, трубы, в общем, всё. Доктор оказался такой шутник. Он сказал мне: «Если штука не в деле, ей нечего делать в теле». Потом я узнала, что это был рак. И все, что по этой части, надо было удалить. В любом случае, кому там что нужно? Ведь так? И вообще, по-моему, это дело слишком переоценивают. Мне и без того есть чем заняться. Я люблю выставки собак. Я продаю антиквариат.

Вы спрашиваете, что бы она надела? Ну и вопрос. Что надела бы? Повесила бы большую табличку «Закрывается в связи с потопом».

Что она сказала бы? Я же вам уже пыталась втолковать. Она вообще не разговаривает. Она же не человек, чтобы говорить. Умолкла давным-давно. Теперь она — это просто такое место. Место, куда не заходят. Закрытое и заколоченное. Под домом. Оно «там». Ну, вы довольны? Вы заставили меня говорить, вытащили это из меня. Вы заставили пожилую женщину говорить о том, что у нее «там». Теперь вам лучше?

(Она отворачивается от меня, потом поворачивается обратно.)

Знаете, ведь вы первый человек, с кем я об этом говорю. И мне как будто стало легче.

ФАКТЫ О ВАГИНЕ

В ходе одного судебного процесса о ведьмах в 1593 году некий экзекутор (женатый мужчина), вероятно, впервые для себя обнаружил клитор. Он счел его «соском дьявола» и верным доказательством виновности ведьмы. Это был «маленький кусочек плоти, торчащий как сосок, длиной в полдюйма», и тюремщик «обнаружил его с первого взгляда, хотя он был спрятан, так как находился рядом с таким секретным местом, которое видеть непристойно». Но в конце концов, не желая скрывать столь подозрительный объект, он показал его всем присутствующим. Они не

видели раньше ничего подобного. Ведьма была осуждена.

«Женская энциклопедия мифов и тайн»

В ходе многих интервью я расспрашивала женщин про менструацию. Их голоса звучали, как нестройный хор, как дикая неистовая песня. Женщины вторили друг другу. Я позволила кровоточащим голосам слиться в один. И утонула в этой крови.

МНЕ БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ. МАМА ДАЛА МНЕ ПОЩЕЧИНУ

Второй класс. Мне было семь лет. Братец рассуждал о «красных днях календаря». Мне не нравился его смех. Я пошла к маме. «Что такое красный день календаря?» — спросила я. «Это праздник, — ответила мама, смутившись. — Красным цветом в календаре выделяют праздники».

Папа подарил мне открытку: «Моей малышке, которая стала большой».

Я была в ужасе. Мама дала мне толстые прокладки. Использованные я должна была выбрасывать в ведро под раковиной на кухне.

Помню, я была среди последних. Мне было тринадцать.

Мы все с нетерпением их ждали.

Я была очень напугана. Я заворачивала использованные прокладки в грубую оберточную бумагу и прятала в темных углах чердака.

Восьмой класс. Мама сказала: «Вот и хорошо».

Сначала в старших классах у меня появлялось лишь по несколько бурых капель, а потом уже начались настоящие месячные. В это же время стали расти первые волосы под мышками, но не равномерно: с одной стороны уже были, а с другой нет.

Мне было шестнадцать, и я побаивалась.

Мама дала мне таблетку кодеина. У нас были двухъярусные кровати. Я легла внизу. Мама чувствовала себя неловко.

Однажды я пришла домой поздно и юркнула в кровать, не включая свет. А мама обнаружила использованные прокладки и сунула их между простынями.

Мне было двенадцать, я все еще разгуливала по дому в одних трусиках. Не одеваясь. Посмотрела на лестницу. А там оно.

Я посмотрела вниз и увидела кровь.

Седьмой класс, мама обратила внимание на мое белье и вручила мне прокладки.

Мама была очень ласкова: «Сейчас я дам тебе прокладку».

Семья моей подруги Марсии устроила целый праздник по случаю ее первых месячных. Был торжественный ужин.

Мы все ждали начала месячных. Хотели, чтобы они начались поскорее.

Тринадцать лет. Тампонов еще не было. Нужно было следить за одеждой. Я была бедной негрityнкой. Кровь проступила сзади на платье во время церковной службы. Никто не подал виду, но я чувствовала себя виноватой.

Мне было десять с половиной. Грязно-коричневое пятно на трусах.

Она показала мне, как вставлять тампон. Он вошел только наполовину.

Я считала свои месячные необъяснимым явлением.

Мама велела мне пользоваться прокладками. Сказала: никаких тампонов. Нельзя ничего вставлять в твою сладкую дырочку.

Я натолкала в трусы ваты. Рассказала обо всем маме. Она подарила мне бумажную куклу Элизабет Тейлор.

Пятнадцать лет. Мама сказала: «Поздравляю!» — и залепила мне пощечину. Я так и не знала, хорошо это или плохо.

Мои месячные — как жидкая смесь для кекса, пока он еще не испекся. Говорят, индейские женщины сидели на мхе по пять дней. Хотела бы я быть индианкой.

Мне было пятнадцать, я надеялась, что вот-вот они начнутся. Я была высокой и продолжала расти.

Когда я видела белых девочек с тампонами в спортзале, я думала, что это их так наказали.

Увидела красные капли на розовой плитке и воскликнула: «Да!»

Мама была рада за меня.

Пользовалась тампонами без аппликаторов, мне нравилось проталкивать тампон пальцами.

Мне одиннадцать лет, я надела белые брюки. Сквозь них начала проступать кровь.

Думала, что это — дурной сон.

Я не готова.

У меня болит спина.

Я возбудилась.

Двенадцать лет. Я была счастлива. У подруги была спиритическая доска, мы спросили, когда у нас начнутся месячные, а потом я посмотрела вниз и увидела кровь.

Просто посмотрела вниз — и вот, пожалуйста.

Я женщина.

Я была в восторге.

Уже перестала надеяться, что они начнутся.

Я стала по-другому себя ощущать. Стала молчаливой и взрослой. Идеальная вьетнамская женщина: покладистая и работающая, целомудренная, всегда помалкивает.

Девять с половиной. Я была уверена, что умру от потери крови. Скомкала белье и закинула его в угол. Не хотела беспокоить родителей.

Мама дала мне теплой воды с вином, и я уснула.

Я была в своей спальне в маминой квартире. У меня была коллекция комиксов. Мама сказала: «Тебе сейчас нельзя поднимать коробку с комиксами».

Подружки сказали, что кровь будет течь каждый месяц.

Мама время от времени попадала в психушку. Никак не могла свыкнуться с мыслью, что я вырасту.

«Уважаемая мисс Карлинг, пожалуйста, освободите мою дочь от занятий баскетболом в связи с тем, что она только что достигла половой зрелости».

В лагере мне не разрешили принимать ванну во время месячных. Меня обсыпали антисептиком.

Я боялась, что другие почувствуют запах. Боялась, что они скажут, будто я пахну рыбой.

Меня выворачивало, я не могла есть.

Я была очень голодная.

Иногда они ярко-красные.

Я люблю, когда капли падают в унитаз. Как краска.

Иногда они коричневые, это меня раздражает.

Мне было двенадцать. Мама шлепнула меня и принесла красную хлопковую рубашку. Папа пошел за Сангрией.

Основано на интервью с женщиной, прошедшей курс «Моя вагина»

КУРСЫ «МОЯ ВАГИНА»

(Монолог читает женщина с легким британским акцентом)

Моя вагина — это раковина, круглая, розовая, нежная раковина, она открывается и закрывается, закрывается и открывается. Моя вагина — цветок, необычайный тюльпан, с глубокой заостренной чашей, тонким ароматом, нежными, но упругими лепестками.

Я не всегда это знала. Я поняла это на курсах «Моя вагина». Я узнала об этом от женщины, которая ведет семинары: она верит в вагины, видит их истинную суть, помогает женщинам постичь собственные вагины, разглядывая вагины других женщин.

На первом занятии ведущая попросила нас нарисовать наши «уникальные, прекрасные, потрясающие вагины». Именно так она назвала их. Одна беременная женщина нарисовала большой кричащий красный рот, из которого высыпались монетки. Другая женщина, очень худая, нарисовала огромное блюдо с девонширским орнаментом. Я нарисовала огромную черную точку с маленькими волнистыми линиями вокруг. Черная точка символизировала черную дыру в космосе, а волнистые линии обозначали людей, или вещи, или просто атомы, которые в ней теряются. Я всегда считала свою вагину таким анатомическим пылесосом, случайно всасывающим частицы и предметы из окружающего мира.

Я всегда ощущала вагину независимой от меня самой, вращающейся как звезда в своей галактике, которая в итоге сгорит в газовом облаке или взорвется и

разлетится на тысячи маленьких вагин, каждая из которых станет кружить в своей индивидуальной галактике.

Я никогда не думала о своей вагине в практическом или биологическом ключе. Я даже не считала ее частью тела, чем-то, расположенным у меня между ног и неотделимым от меня.

На курсах нас попросили рассмотреть наши вагины с помощью карманного зеркальца. Затем, после тщательного исследования, мы должны были словами описать то, что увидели. Должна признаться, что до того момента все мои знания о вагине ограничивались слухами и домыслами. Я ее никогда толком не видела. Мне никогда не приходило в голову ее изучать. Моя вагина существовала в какой-то абстрактной плоскости. Разглядывать вагину оказалось глупо и неудобно — лежишь при всех на блестящих голубых матах, извернувшись, с зеркальцем в руке. Наверное, так чувствовали себя древние астрономы, склоняясь над примитивными телескопами.

Сначала моя вагина здорово меня встревожила. Как будто ты в первый раз смотришь на распотрошенную рыбу и обнаруживаешь в ней, прямо под чешуей, наполненный кровью сложный мир. Она была такой влажной, такой красной, такой чистой. А больше всего меня удивила ее многослойность. Слой за слоем, а под ними другие слои.

Моя вагина поразила меня. И, когда пришла моя очередь поделиться ощущениями, я не смогла ничего сказать. Я онемела. Я осознала, что именно ведущая семинара назвала «вагинальным чудом». Мне просто

хотелось лечь на мат, раздвинуть ноги и бесконечно любоваться своей вагиной.

Зрелище было удивительнее, чем Гранд-Каньон, древний и величественный. Она была невинна и свежа, как ухоженный английский сад. Она была смешной, очень задорной. Я смеялась. Она могла искать и находить, открываться и закрываться. Она как рот. Как утро.

Затем ведущая курсов спросила, кто из присутствующих женщин когда-либо испытывал оргазм. Робко поднялись всего две руки. Я не стала тянуть руку, хотя оргазмы у меня были. Но они были случайны. Они происходили спонтанно. Случались во сне, и я просыпалась от удовольствия. Я часто испытывала их в воде, в основном, в ванне. Однажды это было на Кейп-Коде. Или на лошади, на велосипеде, на беговой дорожке в спортзале. Я не подняла руку, потому что, хоть у меня и бывали оргазмы, я не знала, какому механизму они подчиняются. Как их вызвать. Я считала, что в этом процессе есть какая-то тайна, волшебство. В него не надо вмешиваться. Вмешиваться — неправильно, неестественно, это насилие. Как в Голливуде: когда преподносится готовая формула оргазма, исчезает неожиданность и магия. Но проблема заключалась в том, что эта неожиданность уже покинула меня два года назад. Вот уже долгое время я не испытывала волшебных случайных оргазмов и сходила от этого с ума. Поэтому, собственно, я пришла на курсы.

И вот настал момент, которого я одновременно и боялась, и тайно желала. Женщина, проводившая семинар, попросила нас снова взять зеркальца и попробовать отыскать клитор. И вот мы, женщины,

лежим на спине, на матах, и ищем нашу метку, нашу отправную точку, нашу основу. Сама не зная, почему, я вдруг заплакала. Может, потому, что я была в полном замешательстве. А может, я поняла, что пора проститься с мечтами, бесконечными мечтами, подменяющими жизнь, мечтами, что кто-то или что-то сделает все за меня: проведет меня по жизни, сделает выбор, подарит мне оргазмы. Я привыкла жить тайно, подчиняясь волшебству и суевериям. А поиск клитора и этот весь сумасшедший курс на блестящих голубых матах были реальными, слишком реальными. Я запаниковала. Одновременно ко мне пришло прозрение: я нарочно все это время оттягивала поиски клитора, это была простая защитная реакция, ведь на самом деле я ужасно боялась обнаружить, что у меня нет клитора, что я физически неполноценная, фригидная, бесплодная, сломанная, высохшая, едкая, гадкая... О, боже. Я лежала, смотрела на свой клитор, ощупывала его и думала вот о чем: когда мне было десять лет, я потеряла в озере золотое кольцо с изумрудами. Я ныряла на дно снова и снова, но находила только камни, рыбок, пробки от бутылок, слизь. Кольца не было. Я запаниковала. Я знала, что меня ждет наказание. Надо было снять кольцо перед купанием.

Женщина, ведущая семинар, заметила мое смятение, испарину, тяжелое дыхание, и подошла ко мне. Я заявила ей: «Я потеряла свой клитор. Его нет. Не надо было лезть с ним в воду». Она рассмеялась. Мягко коснулась моего лба. Клитор, сказала она, невозможно потерять. Ведь он — это я, моя суть. Он одновременно и дверной звонок на моем доме, и сам дом. Мне не нужно его искать. Я должна быть им. Стать им. Стать моим клитором. Стать клитором. Я ложусь и закрываю глаза. Опускаю зеркало вниз. Наблюдаю, как выплываю из

себя. Наблюдаю, как медленно начинаю приближаться к себе и вхожу в себя заново. Как будто я астронавт, вернувшийся в земную атмосферу. Мое возвращение оказалось спокойным: тихим и нежным. Я поднималась и опускалась, опускалась и поднималась. Я вошла в свои же мышцы, кровь, клетки, а потом я просто скользнула в свою вагину. Это вдруг оказалось так легко и удобно. Я была теплой, пульсирующей, готовой, юной и живой. И тогда, все еще с закрытыми глазами, я дотронулась до того, что внезапно стало мной. Сначала я ощутила легкую дрожь, и она остановила меня. Но дрожь переросла в сильную вибрацию, взрыв, все пласты пришли в движение и начали расслаиваться. Вибрация открыла дверь на изначальный уровень света и тишины, а он распахнулся в пространство музыки, цвета, невинности, желания, и я лежала на маленьком голубом мате, ощущая единение, связь со своей вагиной.

Моя вагина — раковина, тюльпан. И моя судьба. Я возвращаюсь, собравшись уйти. Моя вагина, моя вагина, я.

ПОТОМУ ЧТО ОН ЛЮБИЛ НА НЕЕ СМОТРЕТЬ

Вот так я полюбила свою вагину. Мне даже неловко об этом говорить, потому что это был не общепринятый способ. Наверное, это должно было случиться в ванне с солями Мертвого моря, под музыку Эньи — сосредоточенный акт любви с собственным женским естеством. Да, я в курсе. Вагины прекрасны. Наша ненависть к себе — это просто следствие закомплексованности и неприятия, тяжкий осадок

патриархальной культуры. Долой условности! Пизда — это сила! Плавали — знаем. Если бы мы выросли в обществе, где эталоном считаются толстые бедра, мы бы тоннами поглощали молочные коктейли и печенье, валяясь на спине и проводя дни за наращиванием объемов. Но я выросла не в таком обществе. Я ненавидела свои бедра, а вагину ненавидела еще больше. Я считала ее невероятно уродливой. Я была из тех женщин, которые, однажды туда заглянув, жалели об этом всю оставшуюся жизнь. Меня от нее тошнило. И я сочувствовала всем, кому придется иметь с ней дело.

Чтобы выжить, я начала притворяться, что между ног у меня вовсе не влагище, а что-то другое. Я представляла себе удобные подушки с легкими хлопковыми наволочками, маленькие бархатные диванчики, леопардовые коврики или всякие милые безделушки: шелковые платочки, стеганые прихватки. Я так к этому привыкла, что совсем забыла про существование вагины. Каждый раз, занимаясь сексом с мужчиной, я представляла его внутри норковой муфты или китайской вазы.

Потом я встретила Боба. Боб был самым заурядным из всех, с кем я встречалась. Он был худой, высокий, с не запоминающейся внешностью и в штанах цвета хаки. Боб не любил острую еду и не слушал Принса. Его не возбуждало эротичное белье. Летом он любил проводить время в тени. Он не делился переживаниями. У него не было проблем или затруднений, он даже не был алкоголиком. Он не был особенно смешным, или рациональным, или таинственным. Он не был неприятным или недоступным. Он не был самовлюбленным или харизматичным. Он не гонял на машине. Честно говоря, Боб не мог особо мне

понравиться. Я бы его и не заметила, если бы он не поднял мелочь, которую я уронила на пол в гастрономе. Когда он протянул мне монетки и случайно задел мою руку, нас обоих словно током ударило. Я легла с ним в постель. Вот тогда и случилось чудо.

Оказалось, что Боб любил вагины. Он был ценителем. Он любил их на ощупь, на вкус, любил их запах, и, самое главное, ему нравилось, как они выглядели. Ему необходимо было смотреть на них. Перед тем как впервые заняться со мной сексом, он сказал, что должен увидеть меня.

— Я и так здесь. Смотри, — сказала я.

— Нет, ты не понимаешь, — сказал он. — Я хочу видеть, какая ты.

— Включи свет, — предложила я, подумав, что он со странностями и паникует в темноте.

Он включил свет.

А потом сказал:

— Отлично. Я готов. Готов по-настоящему рассмотреть тебя.

— Очень приятно! — я помахала рукой. — Я здесь, рядом.

Тогда он начал раздевать меня.

— Что ты делаешь, Боб? — спросила я.

— Мне нужно тебя видеть, — ответил он.

— Зачем? — не поняла я. — Просто сделай это.

— Я должен видеть, какая ты, — возразил он.

— Что, ты раньше не видел красных кожаных диванов? — сказала я.

Он настаивал. Он не собирался сдаваться. Я была готова провалиться сквозь землю и исчезнуть.

— Это ужасно личное, — сказала я. — Не мог бы ты просто заняться со мной сексом?

— Нет, — сказал он. — Там ты настоящая, какая есть. Я должен это видеть.

Я затаила дыхание. Он смотрел и смотрел. Его голос стал хриплым, лицо переменялось. Он больше не казался заурядным. Он стал похож на голодного зверя.

— Ты такая красивая, — сказал он, — ты и изящная, и сильная, и невинная, и дикая.

— И все это ты увидел там? — спросила я.

Происходящее напоминало гадание по ладони.

— Я увидел это, — сказал он, — и еще много, очень много чего.

Он рассматривал меня почти целый час, как будто изучал карту, наблюдал за луной или глядел мне в глаза — только это была моя вагина. Он был так искренне восторжен, так умиротворен, так погружен в собственные ощущения, что и я, глядя на него, распалилась и потекла. Я начала воспринимать себя его глазами. Я почувствовала себя прелестной и восхитительной, как картина великого живописца или водопад. Боб не испугался. Он не почувствовал отвращения. Эмоции переполнили меня, я преисполнилась гордости. И вот тогда полюбила свою вагину. Боб растворился во мне, и я была вместе с ним там, в собственной вагине, а потом мы вместе исчезли.

ФАКТ О ВАГИНЕ

Предназначение клитора ясно. Это единственный орган в теле, созданный исключительно для удовольствия. Клитор — это сплошной нервный узел: 8 000 нервных окончаний, если быть точными. Это наивысшая концентрация нервных окончаний во всем теле. В клиторе их больше, чем на кончиках пальцев, губах, языке, их вдвое... Вдвое! Вдвое больше чем в пенисе. Кому нужен револьвер, если в твоём распоряжении есть автомат!

*Из журнала «Женщина»: Интимная география,
Натали Ангир*

В 1993 году, проходя по Манхэттену, мимо газетного киоска, я была поражена фотографией на первой странице «Ньюсдей». Там была изображена группа из шести женщин, недавно вернувшихся из боснийского лагеря. На их лицах были шок и отчаяние, но ужаснее всего было осознавать, что из их душ навсегда ушла частичка нежности и света. Начинаю читать. На следующей странице другая фотография: только что освобожденные молодые женщины встретились со своими матерями и стоят полукругом возле школы. Их много, но никто — ни матери, ни дочери — не в силах смотреть в камеру. Я поняла, что должна поехать туда. Мне нужно было встретиться с этими женщинами. В 1994 году, благодаря моему ангелу-хранителю Лорен Ллойд, я провела два месяца в Хорватии, общаясь с боснийскими

беженками. Я брала у них интервью и просто разговаривала с ними в лагерях, кафе, реабилитационных центрах. Потом я еще дважды ездила в Боснию.

Когда я вернулась из этой поездки домой, в Нью-Йорк, я была в бешенстве. Меня возмущало, что в одном только 1993 году от двадцати до семидесяти тысяч женщин были изнасилованы в самом центре Европы, и это считалось нормой, входило в тактику военных действий; никто не пытался этому помешать. Подобное никак не укладывалось у меня в голове. Одна моя знакомая не поняла, чему я удивляюсь. Она сказала, что в США за год насилуют более полумиллиона женщин, а ведь войны (теоретически) у нас нет. Следующий монолог основан на рассказе одной из тех женщин. Хочу поблагодарить ее за то, что поделилась со мной. Я восхищаюсь силой ее духа и преклоняюсь также перед всеми женщинами, пережившими эти дикие зверства на территории бывшей Югославии. Этот отрывок посвящается боснийским женщинам.

МОЯ ВАГИНА — МОЙ ДОМ

Моя вагина была увита зеленью. Была сочным лугом с цветами, мычанием коров, закатным солнцем и моим возлюбленным, нежно щекочущим меня соломинкой.

У меня между ног что-то есть. Не хочу знать, что. Я не прикасаюсь к себе там. Сейчас — нет. Никогда больше. С тех пор больше ни разу.

Моя вагина была болтушкой, не могла ждать, ей столько всего надо было поведать, столько попробовать. Она говорила не переставая, о да. Но потом она умолкла.

С тех самых пор, как туда грубой черной ниткой зашили мертвого зверя. Ужасный запах дохлого животного ничем не вытравишь. А щель его рта кровоточит сквозь все мои летние платья.

Моя вагина пела звонкие девичьи песни, песни пастушьих бубенчиков, осенние песни сбора урожая, песни вагины, песни родной деревни. Но все это было до того, как солдаты запихнули в меня толстый ствол винтовки. Стальной стержень, такой ледяной, что сердце останавливается. Я гадала: выстрелят они или просто проткнут меня насквозь, до самого мозга. Потом они вшестером, похожие в своих черных масках на хирургов-маньяков, засовывают в меня бутылки. И черенки от метел.

Вдоль моей вагины текла река, чистая вода, омывающая согретые солнцем камни, струящаяся мимо камня-клитора. Но так было раньше. До того, как моя кожа лопнула, и я захрипела. До того, как часть моей вагины, часть губы, осталась в моей руке; теперь там с одной стороны просто ничего нет.

Моя вагина. Шумная, оживленная деревня на берегу полноводной реки. Моя вагина — мой дом родной.

Всё это было до того, как они насильовали меня по очереди целых семь дней, они пахли дерьмом и копченым мясом, они оставляли во мне свою грязную сперму. Река наполнилась ядом и гноем, весь урожай погиб, умерла вся рыба.

Моя вагина. Шумная, оживленная деревня на берегу полноводной реки.

Они захватили ее. Разорили и сожгли.

Я не прикасаюсь к ней теперь.

Не захожу.

Я теперь живу в другом месте.

Я не знаю, где оно.

ФАКТ О ВАГИНЕ

В XIX веке девочки, которые умели достигать оргазма при мастурбации, считались больными. Их часто пытались лечить или «исправляли недостаток» путем удаления либо прижигания клитора или миниатюрных поясов целомудрия, а иногда даже при помощи стерилизации с хирургическим удалением яичников. В то же время в медицинской литературе отсутствуют ссылки на хирургическое удаление яичек или пениса как средство борьбы с онанизмом у мальчиков. В США клиторэктомия с целью излечения от мастурбации была в последний раз сделана в 1948 году пятилетней девочке.

«Женская энциклопедия мифов и тайн»

ФАКТ О ВАГИНЕ

От восьмидесяти до ста миллионов девочек и молодых женщин во всем мире становятся жертвами варварских обрядов, производимых над гениталиями. В странах, где существуют подобные обычаи, в основном, африканских, около двух миллионов подростков в год с помощью ножа или бритвы подвергаются обрезанию клитора, или

удалению его, вместе с полным или частичным сшиванием половых губ кетгутом или шипами растений. Такие операции еще называют женским обрезанием. Африканский специалист Нахид Тубиа проводит простую аналогию: «У мужчины такая процедура была бы равносильна отчуждению большей части пениса, а то и полному его удалению, включая мягкие ткани у основания и часть мошонки».

Нередко у перенесших операцию возникают тяжелые осложнения: судороги, сепсис, кровотечения, трещины уретры, мочевого пузыря, стенок влагалища, сфинктера. В итоге все это приводит к хроническому воспалению матки, возникновению грубых шрамов и спаек, затрудняющих движение, образованию фистул, резким сильным болям, проблемам с деторождением и даже ранней смерти.

Газета «Нью-Йорк Таймс», 12 апреля 1996 г.

МОЯ ВАГИНА В ГНЕВЕ

(Монолог, изначально написанный для Вупи Голдберг)

Моя вагина в гневе. Она зла. Ее разозлили. Она в ярости и хочет высказаться. Ей нужно поговорить обо всем этом дерьме. Ей нужно с кем-то поделиться, да вот хотя бы с вами. Seriously, что за дела?! Целая армия людей только и думает, как бы надрать мою затраханную, трепетную и любящую вагину. Целыми

днями изобретают всякие шизанутые средства и грязные способы подобраться к моей киске. Вагиноненавистники!

Всякую дрянь постоянно пытаются в нас вставить — то заткнут, то выскоблят, то вообще отправят куда подальше. Но моя вагина никуда отправляться не собирается. Ее разозлили, и она остается здесь. К примеру, тампон — что это еще за хрень? Комок гребаной сухой ваты. Что, не могли догадаться и добавить к нему немного смазки? Едва моя вагина его завидит, ее начинает трясти от ужаса. Она говорит: «Ну уж нет!» Она захлопывается. Вагине забота требуется, ее надо познакомить с разными идеями, подготовить почву. Для этого и нужны любовные игры. Убедите мою вагину, соблазните мою вагину, завоюйте ее доверие. А с чертовым куском сухого хлопка это у вас не получится.

Хватит запихивать в меня разную фигню. Хватит вставлять или вливать. Моя вагина не нуждается в очищении. Она и так хорошо пахнет. Нечего ее приукрашивать. Не верь, когда он говорит, что ты пахнешь лепестками роз, — на самом деле киска пахнет киской. А то ишь, взяли манеру: пытаются ее отмыть, заставить пахнуть освежителем воздуха или садом. Все эти освежители: цветочные, ягодные, морские... Я не желаю, чтобы моя киска пахла ягодами или морем. Это как вымыть с мылом рыбу после того, как ее приготовишь. Но мне нравится вкус рыбы! Поэтому я ее и заказываю!

А еще есть эти визиты к гинекологу. Кто их вообще придумал? Должен быть вариант и поприятнее. Зачем эта ужасная бумажная рубашка, которая царапает грудь и хрустит, когда ты ложишься? От этого ты чувствуешь себя смятой и выброшенной бумажкой. Зачем резиновые

перчатки? Зачем светить туда фонариком? Зачем эти фашистские стальные подколенники? Эти мерзкие холодные утиные клювы, которые в тебя засовывают? Да что же это?! Моя вагина в бешенстве от таких посещений. За неделю до визита к врачу она уходит в глухую оборону. Она замыкается в себе и ее уже ничем не выманишь. Знакомая история? А они всё твердят: «Придвиньтесь. Расслабьте вагину». Зачем? Чтобы можно было вставить в нее холодное зеркальце? Нет, я не согласна.

Почему бы не взять приятный, изысканный красный бархат, завернуть меня в него, положить меня на мягкое хлопковое покрывало, надеть милые, симпатичные розовые или голубые перчатки, опустить мои ноги на меховые подколенники? Согреть гинекологическое зеркальце. Стоило бы позаботиться о моей вагине.

Но нет, пытки продолжаются: сухой комок гребаного хлопка, холодное зеркальце, стринги. Эти хуже всего. Стринги! Да кому эта пытка вообще в голову пришла? Все время сползают, путаются, застревают в промежности, просто пиздец.

Вагина должна быть расслабленной, свободной, ничем не скованной. Вот почему всякое утягивающее белье так вредно. Нам нужны движение, простор и разговоры, разговоры. Вагинам нужен комфорт. Вы уж ей удружите. Доставьте ей удовольствие. Но нет, как бы не так! Они ненавидят женщин, получающих удовольствие, особенно от секса. Придумайте же приятное мягкое хлопковое белье с мини-вибратором изнутри. Женщины кончали бы в них целыми днями, кончали бы в магазинах, в метро, и их вагины были бы счастливы. Но ведь мужики этого не вынесут. Не вынесут вида

возбужденных, пышущих силой, жарких, счастливых вагин.

Если бы моя вагина могла говорить, она бы говорила о себе так же, как это делаю я. Рассказала бы о других вагинах, произвела бы вагинальное впечатление.

Она бы носила только бриллианты от Гарри Винстона, и никакой одежды. Вся была бы усыпана одними бриллиантами.

Моя вагина произвела на свет гигантского младенца. Она думала, что потом еще раз повторит этот подвиг. Но нет. Сейчас она хочет путешествовать, желательнее не в шумной компании. Хочет читать, познавать, получать новые впечатления. Она хочет секса. Она любит секс. Она хочет глубины. Жаждет ее. Она хочет доброты. Хочет перемен. Тишины, и свободы, и нежных поцелуев, и теплой влаги и глубоких проникновений. Она хочет шоколада, и доверия, и красоты. Хочет кричать. Перестать злиться. Она хочет хотеть. Хочет. Моя вагина, моя вагина. Она, понимаете ли... Она хочет... всё.

Последние десять лет я общалась с женщинами, у которых не было постоянного жилья. С женщинами, которых обычно называют «бомжихами». За это время мы успели с ними сдружиться. Я веду занятия в реабилитационных группах для женщин, подвергавшихся насилию, не понаслышке знающих об инцесте, а также в группах для женщин с алкогольной или наркотической зависимостью. Я снимаю фильмы с их участием, устраиваю совместные ужины, вечеринки. За последние десять лет я взяла интервью у сотен женщин. И только

две из них не столкнулись в детстве или ранней юности с насилием либо инцестом. Я вывела теорию, что для большинства пострадавших женщин «дом» был очень страшным местом, откуда они при первой возможности сбегали в приюты, и те становились для них единственным пристанищем, где они ощущали безопасность, защиту, комфорт и поддержку других женщин.

Следующий монолог дословно воспроизводит рассказ одной из женщин. Я встретила ее пять лет назад, именно в приюте. На первый взгляд, рассказ необычный и чересчур жестокий. Но это только видимость. На самом деле он ничуть не страшнее многих других историй, услышанных мной позже. Несчастные женщины страдают от чудовищного сексуального насилия, но это проходит незамеченным. Из-за своего низкого социального положения они не могут рассчитывать на психологическую помощь или другие виды поддержки. Постоянные издевательства, в конце концов, сводят на нет их самооценку, толкают к употреблению наркотиков, занятиям проституцией, приводят к заражению СПИДом, а часто и к смерти. К счастью, у данной конкретной истории другой конец. Эта женщина встретила в приюте другую женщину, и они полюбили друг друга. Любовь спасла их, помогла покинуть приют, и теперь они счастливо живут вместе. Этот фрагмент книги посвящается им, сильным духом. А также многим безвестным женщинам, которые страдают и нуждаются в нашей помощи.

МАЛЕНЬКАЯ ПИПИСЬКА СМОГЛА

(Монолог читает чернокожая женщина с Юга)

Воспоминание: декабрь 1965, мне пять лет.

Мама громким, угрожающим голосом велит мне перестать чесать свою пипиську. Я испугалась, что снова ее расчесала. Я не притрагиваюсь к себе, даже в ванной. Я боюсь, что через дырочку внутрь попадет вода: она наберется в меня, и я взорвусь. Я приклеиваю на мою пипиську пластырь, чтобы закрыть дырку, но в воде он отклеивается. Я мечтаю о пробке, похожей на затычку для ванной, которая ничего в меня не пропустит. Я сплю, надев под пижаму трое трусов веселой расцветки в сердечки. Я все равно хочу потрогать себя, но не делаю этого.

Воспоминание: семь лет.

Десятилетний Эдгар Монтан разозлился и изо всех сил пнул меня между ног. Ощущение, как будто внутри меня разом все сломалось. Я ковыляю домой. Я не могу писать. Мама спрашивает, что случилось с моей пиписькой, и, когда я рассказываю, что сделал Эдгар, она орет на меня. Велит, чтобы я никому не позволяла трогать меня там. Я пытаюсь растолковать ей: мама, он не трогал меня, он меня пнул.

Воспоминание: девять лет.

Я дурачусь на кровати, подпрыгиваю и падаю, и вдруг попадаю своей пиписькой на столбик в спинке кровати. Я пронзительно визжу, звук идет прямо изо рта моей пиписьки. Меня везут в больницу и зашивают там, где она была порвана.

Воспоминание: десять лет.

Я в доме отца, на втором этаже вечеринка идет полным ходом. Все пьют. Я одна играю внизу и решаю примерить новые белые хлопковые трусики и лифчик, которые мне подарила папина подружка. Неожиданно лучший папин друг, этот здоровяк Альфред, подходит ко мне, стаскивает с меня новые трусики, и засовывает в меня сзади свой большой твердый член. Я кричу. Я брыкаюсь. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он уже во мне. Появляется мой папа, у него пистолет, я слышу ужасный грохот, а потом я и Альфред оказываемся все в крови, ее очень много. Мне кажется, что пиписька вообще вот-вот выпадет из меня. Теперь Альфред парализован, остался инвалидом на всю жизнь, а мама на семь лет запретила мне видаться с отцом.

Воспоминание: двенадцать лет.

Моя пиписька — плохое место. Там вечно что-то болит, пачкается, отрывается и кровоточит. Она притягивает несчастья. Проклятая зона. Я воображаю, что у меня между ног шоссе, и я, маленькая девочка, уезжаю по нему в далекую даль.

Воспоминание: тринадцать лет.

Наша соседка — шикарная женщина двадцати четырех лет, и я все время глазею на нее. Однажды она приглашает меня к себе в машину. Она спрашивает, нравится ли мне целовать мальчиков, и я говорю, что нет. Тогда она говорит, что хочет мне кое-что показать.

Наклоняется и мягко целует меня в губы, а потом просовывает язык в мой рот. Так здорово! Она спрашивает, хочу ли я побывать у нее в гостях, и снова целует меня, потом велит расслабиться и погрузиться в собственные ощущения, позволить нашим языкам чувствовать друг друга. Она спрашивает у моей мамы, могу ли я переночевать у нее, и мама очень польщена, что такая красивая и успешная женщина интересуется мной. Я немного напугана, и в то же время сгораю от нетерпения. У нее потрясающая квартира. Очень светлая. Вся в стиле семидесятых: бусы, мягкие подушки, ароматические лампы. Я сразу же решила, что хочу стать секретаршей, как она, когда вырасту. Она наливает себе водки и спрашивает, что я буду пить. Я говорю: то же, что и она. Она отвечает, что моей маме вряд ли понравилось бы, что я пью водку. А я говорю, что маме вряд ли понравилось бы и то, что я целуюсь с девочками, и тогда эта красивая женщина наливает мне выпить. Потом она переодевается в короткую атласную сорочку шоколадного цвета. Она прекрасна, хотя я всегда считала, что лесбиянки уродливы. Я сказала: «Вы выглядите чудесно», — а она ответила: «Ты тоже». «Но у меня нет красивого белья, только эти белые хлопковые трусики и лифчик», — возразила я. Тогда она медленно надела на меня такую же атласную сорочку. Та была цвета лаванды, едва распустившихся весенних цветов. Алкоголь ударил мне в голову, я расслабилась и была готова ко всему. Когда она мягко уложила меня на кровать, я заметила, что над ней висит портрет обнаженной негритянки с пышной прической. Я испытала оргазм от одного соприкосновения наших тел. Она сделала со мной и с моей пиписькой, которую я всегда считала мерзкой, все возможное и невозможное, и это

было потрясающе. Я так распалилась, была так возбуждена. Она сказала: «Твоя не оскверненная мужчинами вагина пахнет так приятно, так свежо, мне бы хотелось навсегда сохранить этот запах». Я уже схожу с ума от возбуждения, но вдруг звонит телефон, и, конечно, это моя мама. Я уверена — она обо всем пронюхала, она всегда подлавливает меня. Беру трубку. Я запыхалась, но стараюсь говорить как обычно. Мама спрашивает: «Что с тобой, ты от кого-то убегала?» Я отвечаю: «Нет, мама, я делала упражнения». Тогда она просит красавицу-секретаршу проследить, чтобы я не общалась с мальчиками, и наша соседка говорит: «Будьте уверены, никаких мальчиков здесь нет».

Позже эта прекрасная женщина учит меня, как обращаться с моей пиписькой. Она велит поиграть с моей киской, наблюдает за мной и учит самым разнообразным способам ублажать себя. Она объясняет, что всегда нужно знать, как доставить себе удовольствие, и тогда не нужно будет зависеть от мужчин. Утром я начала волноваться: а вдруг теперь я стала лесбиянкой, раз влюбилась в нее. Она только смеялась. Больше я ее никогда не видела. Позже я поняла, что она была моим странным, неожиданным, непристойным спасением. Она изменила мою глупую пипиську, открыла ей невиданные горизонты.

Проводя семинары в Нью-Йорке, я получила следующее письмо:

«Будучи почетным членом „Клуба Вульвы“, я была бы очень рада видеть и Вас членом нашего клуба. Когда Харриет Лернер двадцать лет назад

основала этот клуб, в члены принимали только тех, кто понимал и правильно использовал слово „вульва“ и мог объяснить его суть как можно большему количеству людей, особенно женщин. По-моему, вам самое место среди нас.

С уважением, Джейн Хиршман».

КЛУБ ВУЛЬВЫ

Я всегда была одержима названием вещей. Давая чему-либо имя, я могу познакомиться с этим предметом поближе. Называя объект, я приручаю его, и он может стать моим другом.

Например, когда я была маленькой, у меня была большая коллекция лягушек: плюшевых лягушек, фарфоровых лягушек, пластмассовых лягушек, лягушек с подсветкой, веселых лягушек на батарейках. У каждой было имя. Мне требовалось какое-то время на знакомство с каждой из них, а потом я могла лягушку и назвать. Я сажала их к себе на кровать и рассматривала при дневном свете, носила с собой в кармане, держала в своей маленькой потной ладонке. Я изучала материал, из которого они сделаны, запах, форму, размер, их характер. А потом они получали имя, что обычно сопровождалось прекрасной церемонией наречения. Я размещала их среди других лягушек, их друзей, надевала на них церемониальные костюмы, украшала блестками или золотыми звездочками, ставила их у лягушачьей часовни и давала им имя.

Сначала я шептала выбранное имя им в ухо: «Ты мой Чертеночек-Лягушонок Ватрушка». Я должна была убедиться, что лягушка согласна с именем. Потом я

громко произносила имя, чтобы его услышали остальные взволнованные лягушки, ведь многие из них тоже пока еще ждали своих имен. А затем я пела песенку, обычно повторяя новое имя, и лягушки подпевали мне: «Чертеночек-Лягушонок Ватрушка, Чертеночек-Лягушонок Ватрушка». И мы все пританцовывали под эту песенку.

Я выстраивала лягушек в ряд и танцевала перед ними, подпрыгивая, как лягушка, и издавая разные лягушачьи звуки. При этом на ладони (или обеими руками, в зависимости от размера) я всегда держала лягушку, только что получившую новое имя. Церемония была изнурительная, но очень важная. Всё было бы ничего, если бы она касалась только лягушек, но вскоре мне стало необходимо давать имена всем и вся. Я называла коврики, двери, стулья, лестницы. Например, мой фонарик звался Дэном, в честь воспитателя в детском саду, который вечно лез в мои дела.

В итоге я дала имена всем частям своего тела. Мои руки звали Глэдис. Они были такими полезными и незаменимыми — ну как их еще назвать, если не Глэдис. Я назвала свои плечи Шорти, в честь одного сильного маленького драчуна. Моя грудь — это Бетти. Хотела было назвать ее Вероникой, но передумала. Подобрать имя для вагины оказалось сложнее. Не так просто, как назвать руки. Да, это было сложно. Моя вагина была живой, не так-то просто было определить ее одним словом. Она оставалась безымянной, а значит, неизученной и неприрученной.

У нас была няня Сара Стенли. Она говорила тонким визгливым голосом, от которого я чуть ли не писалась. Однажды, когда я мылась, она сказала, что нужно обязательно вымыть мою «Крошку-Малышку». Не

сказать, чтобы это имя мне понравилось. Я даже не сразу поняла, что она имела в виду. Но было в ее голосе что-то не терпящее возражений. Имя прилипло. Да, там у меня Крошка-Малышка. К сожалению, это имя осталось со мной, даже когда я выросла. Своему первому мужчине и будущему мужу я сказала, что Крошка-Малышка немного смущена, но готова, и, если он будет терпелив, она раскроет ему все свои тайны. Думаю, он сперва растерялся, однако он был настолько чутким, что принял это мое чудачество. Позже он стал обращаться к ней по имени: «Крошка-Малышка там? Она готова?» На самом деле ее имя никогда меня не устраивало, поэтому то, что произошло позже, было совсем не удивительно.

Однажды ночью мы с мужем занимались сексом. Он позвал ее: «Иди сюда, моя милая Крошка-Малышка», — но она не откликнулась. Как будто она вдруг куда-то исчезла. «Крошка-Малышка, это я, твой верный поклонник». Ни ответа, ни приветия. Теперь уже я позвала ее: «Крошка-Малышка, давай же, выходи. Не подводи меня». Ни слова, ни звука. Крошка была глуха, нема, мертва.

«Крошка-Малышка!»

Ее не было несколько дней, недель, месяцев. Я была в отчаянии. Очень неохотно я рассказала об этом Терезе, моей подруге, которая все свое время проводила в новом женском клубе. Я сказала ей:

— Крошка-Малышка не желает со мной разговаривать. Она не отзывается.

— Кто такая Крошка-Малышка?

— Моя Малышка, — сказала я, — моя Крошка.

— О чем ты говоришь? — спросила она, и ее голос вдруг зазвучал ниже, чем мой.

— Девочка, ты имеешь в виду вульву?

— Вульва? — переспросила я. — А что это?

— Это сложная штука, — сказала она, — это совершенство.

Вульва. Вульва. Я почувствовала, как во мне словно что-то разомкнулось. Крошка-Малышка — неправильное имя. Я всегда это знала. Я не видела в ней Крошку-Малышку. Я никогда не знала, кем или чем она была, но просто отверстием или губами ее не назвать. Этим же вечером мы дали ей имя. Я и мой муж, Рэнди. Как с лягушками. Одели ее в блестки и сексуальный наряд, подвели к храму Тела, зажгли свечи. Сначала мы тихо шептали ей: «Вульва, вульва», — очень мягко, проверяя, слышит ли она. «Вульва, вульва, ты здесь?» Сладость и согласное шевеление.

«Вульва, вульва, ты существуешь?»

И мы пели песню вульвы, словами которой было не кваканье, а поцелуи. И мы танцевали танец вульвы, но движениями танца были не скачки, а толчки, и все части тела выстроились и наблюдали за церемонией: и Бетти, и Глэдис, и Шорти.

ФАКТ О ВАГИНЕ

В некоторых районах Африки традиция женского обрезания сходит на нет. Например, Аджа Тункара Дьяло Фатимата, главный «хирург» Конакри, столицы Гвинейской Республики, постоянно подвергалась жесткой критике со стороны западных правозащитников. В итоге,

несколько лет назад она призналась, что на самом деле никого не «резала». «Я только сжимала клиторы пациенток, чтобы те вскрикнули, — сказала она, — и туго перевязывала их, чтобы при ходьбе казалось, что им больно».

*Центр законодательства в сфере репродукции
человека*

ЧЕМ ПАХНЕТ ВАГИНА?

Планетой Земля.

Мокрым мусором.

Богом.

Водой.

Зарождающимся утром.

Глубиной.

Сладким имбирем.

Потом.

По-разному.

Мускусом.

Мной.

Мне сказали, ничем.

Ананасом.

Потиром.

Духами «Палома Пикассо».

Солью земли и мускусом.

Корицей и клевером.

Розами.

Острым пряным жасминовым лесом,
густым-густым-густым лесом.

Влажным мхом.

Вкусной конфеткой.

Тихим океаном.

Чем-то средним между рыбой и лилиями.

Персиками.

Лесной чащей.

Зрелыми фруктами.

Клубничным чаем с киви.

Рыбой.

Небесами.

Уксусом и водой.

Легким сладким ликером.

Сыром.

Океаном.

Сексом.

Губкой.

Началом.

Я годами разъезжала с этой пьесой по всей Америке (теперь уже и по миру). Я давно собираюсь создать карту городов, которые я посетила, городов — друзей вагины. За это время я повидала много удивительного. Меня порадовала Оклахома. В Оклахоме сходят с ума по

вагинам. Меня поразил Питсбург. В Питсбурге любят вагины. Я была там уже три раза. Когда я приезжаю туда, женщины приходят после спектакля ко мне в примерку, чтобы рассказать свою историю, предложить какую-нибудь идею, поделиться впечатлениями. Это моя любимая часть гастролей. Мне доводилось слушать совершенно невероятные истории. А рассказывают их так просто, так буднично. Мне постоянно напоминают, как необычна и разнообразна жизнь женщины. Мне также напоминают, насколько женщины одиноки и как их угнетает это одиночество. Так мало людей, с которыми они могут поделиться своими переживаниями, своими сумбурными мыслями. Почему-то их чувства всегда окружены завесой стыдливости. А ведь женщинам безумно важно рассказать свою историю, поделиться ею с другими. От возможности такого диалога зависит, сохранится ли наша женская сущность.

Вспоминаю один вечер после спектакля в Нью-Йорке. Одна молодая вьетнамская женщина поведала мне историю, которая случилась с ней в пять лет. На тот момент она только приехала в Америку и еще не говорила по-английски. Она упала на пожарный гидрант, играя с подружкой, и порвала себе вагину. Так как она не могла толком рассказать, что произошло, то просто спрятала окровавленные трусики под кровать. Мама нашла их и решила, что ее изнасиловали. Маленькая девочка не знала слов «пожарный гидрант» и не сумела объяснить родителям, что произошло на самом деле. Родители обвинили в изнасиловании брата ее лучшей подружки. Девочку срочно отвезли в больницу, и там несколько мужчин стояли вокруг кушетки, разглядывая ее раскрытую, незащищенную вагину. Потом, по дороге домой, она заметила, что папа даже не

смотрит в ее сторону. В его глазах она стала использованной, испорченной женщиной. Он так никогда и не смотрел на нее с тех пор.

Или вот, например, история шикарной молодой женщины из Оклахомы. Она подошла ко мне после спектакля вместе со своей мачехой и рассказала, что родилась без вагины, но поняла это, только когда ей было четырнадцать. Они играли с подружкой и сравнивали свои гениталии. Вдруг она обнаружила, что у нее все устроено как-то по-другому, неправильно. Вместе с папой — он всегда был ей роднее и ближе матери — они отправились к гинекологу. После обследования доктор сказал, что у нее на самом деле нет ни влагалища, ни матки. Папа был ужасно расстроен, но пытался скрыть слезы и боль, чтобы не огорчить дочь. По дороге домой он утешал ее, как мог. Сказал: «Не волнуйся, милая. Все будет хорошо. Просто отлично. Мы попросим врачей сделать тебе самую лучшую кистку в Америке. И когда у тебя появится муж, он будет знать, что она изготовлена специально для него». Девочка перенесла пластическую операцию и обрела спокойствие и счастье. Прошло еще два спектакля, а на третий она привела своего отца. Меня потрясли их трепетные и теплые отношения.

Потом было выступление в Питсбурге. Одна возбужденная женщина ворвалась ко мне в гримерку и объявила, что обязана как можно скорее пообщаться со мной. Ее настойчивость была до того убедительна, что я позвонила ей сразу по возвращении в Нью-Йорк. Она сказала, что работает массажисткой и хочет поговорить со мной о текстуре вагины. Текстура очень важна! Она сказала, что я ее не уловила. В течение часа она рассказывала о ней так детально, так чувственно и

подробно, что в конце беседы я была просто выжата как лимон. Еще она говорила о слове «cunt» (пизда). Я использовала его своей пьесе в негативном, презрительном смысле, а она объяснила, что я не поняла его значения. Она обязана была помочь мне его прочувствовать. Целых полчаса она рассуждала о значении этого слова, и я его переосмыслила. Я написала это для нее.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПИЗДЫ

Я зову ее пиздой. Я возрождаю это слово, «пизда». Мне оно очень нравится. «Пизда». Вслушайтесь. «Пизда». П, п, пи, пи. Пиала, пион, пианино, пир, перед — перед «и»: перед искрой, перед игрой, интрига, истина; потом «з» — звенящее «з», звонкое «з», зеркало, зефир, заря, зов; затем зовущая «д» — дева, дар, дух, дом, даль, диво — да-да-да — сочетание букв «да» дарит, дает, датирует — твердое сильное «д», дрожащее от дикого давления, а потом мягкая, нежная «а» — ангел, аура, аромат, а после «д», «д» и «а» — да, дай, дари, дари мне диво. Пиз-да. «Пизда». Прошепчи, произнеси, прокричи мне «пизда». «Пизда».

Я спросила шестилетнюю девочку:

— Если твою вагину одеть, что бы она носила?

— Красные кеды на платформе и кепку козырьком назад.

— Если бы она могла говорить, что она сказала бы?

— Она повторяла бы слова на буквы «в» и «т»: например, такса, вальс.

— Что напоминает твоя вагина?

— Красивый темный персик. Или бриллиант, который я нашла в тайнике, и теперь он мой.

— Что особенного в твоей вагине?

— Я знаю, что где-то глубоко-глубоко внутри нее находится очень умный мозг.

— Чем пахнет твоя вагина?

— Снежинками.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА ДЕЛАТЬ ВАГИНЫ СЧАСТЛИВЫМИ

Я люблю вагины. Я люблю женщин. Я не отделяю одно от другого. Женщины платят мне за власть над ними, за свое возбуждение, за свой оргазм. Однако начинала я не с этого. Совсем не с этого. По профессии я юрист. Но ближе к сорока годам меня охватило желание делать женщин счастливыми. Вокруг столько женщин, так и не реализовавших свой потенциал. Столько женщин, не знающих дороги к собственному сексуальному счастью. Сначала это было для меня просто смутной целью, а потом поглотило меня целиком. И у меня отлично получалось, просто блестяще. Я постепенно становилась профессионалкой. Мне начали платить за мое мастерство. Я словно нащупала свой путь, по сравнению с которым налоговое право казалось скучным, будничным и никому не нужным.

Я повелевала этими женщинами, была их госпожой, я надевала вызывающие наряды: кружево, шелк, кожу, — и использовала разные приспособления: кнуты, наручники, веревки, фаллоимитаторы. В налоговом праве ничего подобного не было: ни кнутов, ни возбуждения,

кроме того я ненавидела эти строгие синие костюмы. Хотя сейчас я иногда надеваю их на своей новой работе, они отлично подходят для перевоплощений. Особая атмосфера — это важно. В корпоративном праве не было плеток и нарядов. Не было живительных соков. Не было темной, таинственной любовной игры. Не было набухших сосков. Не было сладких губ, и, что самое главное, не было стонов. По крайней мере, тех самых стонов. Они — ключ ко всему, сейчас я это прекрасно понимаю: именно стоны соблазнили меня, это из-за них доставлять женщинам радость стало моим главным увлечением. В детстве я всегда смеялась, когда в кино показывали женщин, издающих во время секса странные стоны. У меня чуть ли не истерика случалась. Я не могла поверить, что эти громкие, неистовые, неконтролируемые звуки исходят из женщин.

Мне самой безумно захотелось научиться стонать. Я тренировалась перед зеркалом, записывала на магнитофон свои стоны, разные по звучанию, тональности, иногда по-оперному драматические, иногда сдержанные, почти подавленные. Но, когда я слушала запись, они всегда звучали фальшиво. Они и были фальшивыми: ведь они были рождены не сексуальными переживаниями, а моим желанием быть сексуальной.

Однажды, когда мне было десять лет, я очень сильно захотела писать. Мы ехали на машине. Я терпела почти час. Когда я наконец оказалась в туалете на грязной маленькой заправке, то испытала такое наслаждение, что аж застонала. Я стонала, пока писала. Я не могла поверить, что это я, что это мой стон звучит на тexasской заправке. И тогда я поняла, что стоны связаны с невозможностью получить что-то прямо сейчас, с отсрочкой желаемого. Я осознала, что стон

восхитительнее всего, когда спонтанен. Он вырывается из тайного, скрытого внутри уголка, говорящего на своем языке. Сами стоны и есть этот язык.

Я стонала до бесконечности. Многих мужчин это беспокоило. Даже пугало, если честно. Я вела себя слишком громко, и они не могли сконцентрироваться на процессе. Они теряли прицел. Нам не удавалось заниматься любовью в обычных домах — слишком тонкие стены. В доме, где я жила, за мной закрепилась определенная репутация, люди поглядывали на меня в лифте с презрением. Мужчины считали, что я нимфоманка, некоторые называли меня сумасшедшей.

Мне начало казаться, что стонать плохо. Я сделалась тихой и воспитанной. Я научилась подавлять свои стоны, сдерживать их, как чихание. У меня появились головные боли и прочие симптомы стресса. Я почти потеряла надежду, но вдруг открыла для себя отношения с женщинами. Я обнаружила, что большинству женщин нравятся мои стоны. И, что важнее, я поняла, как сильно меня возбуждают стоны других женщин, стоны, вызванные моими манипуляциями. Это стало моей страстью. Моим открытием, ключом ко рту вагины, отпирающим ее голос, ее яростную песню.

Я занималась любовью с молчаливыми женщинами и находила в них этот тайный уголок, этот ключик, и они сами поражались тому, как громко и чувственно могут стонать. Я занималась любовью с другими любительницами стонов, и они открывали в себе более насыщенные, проникновенные интонации. Я стала одержима стонами. Мне нравилось заставлять женщин стонать, руководить ими, как дирижер.

Поиск ритма, источника, обители стога похож на хирургию, на точную науку. Во всяком случае, у меня такое ощущение.

Иногда я находила его сквозь ее джинсы. Иногда я подкрадывалась к нему незаметно, по пути бесшумно обезвреживая возможные сигналы тревоги, проникала туда, где он кроется. Иногда я применяла силу, но не жестокость и подавление, а скорей господство, царственность, говорящую: «Я хочу отвести тебя кое-куда, не волнуйся, ложись и наслаждайся путешествием». Иногда все получалось очень просто. Я обнаруживала ее стон, еще не успев ничего сделать, когда она ела из моих рук салат или цыпленка, приправленного бальзамическим уксусом, прямо на моей кухне, и все было просто и естественно. Иногда я использовала разные секс-игрушки, я их обожаю. Иногда я заставляла женщину саму поймать свой стон и наблюдала за ней. Я терпеливо ждала, пока она раскроется. Меня не обманешь слабыми, первыми явными стогами. Нет, я вела ее дальше, к ее главному стону.

Есть стон клитора, мягкий, скрытый внутри, стон вагины, насыщенный, гортанный, есть и дуэт вагины и клитора. Есть пред-стон, еле различимый звук, почти что стон, в котором звук циркулирует по кругу; абсолютный стон, звучащий насыщенно и четко; беззвучный аристократический стон; изящный стон, похожий на искусственный, артистический смех; стон Грейс Слик — стон рок-звезды; почти религиозный стон, звучащий как намаз; йодль-стон с вершины горы; стон младенца, похожий на агуканье; лающий собачий стон; стон с южным акцентом; свободный бисексуальный стон воина, глубокий, агрессивный и жесткий; есть стон —

пулеметная очередь; дзен-стон; мучительный, вьющийся, страстный стон или стон дивы, спетый высоким оперным голосом; страстный стон, от которого сводит пальцы, и, наконец, стон удивления после троекратного оргазма.

Закончив этот отрывок, я дала прочитать его женщине, со слов которой, собственно, его и писала. Но она сказала, что в нем нет ничего общего с ее жизнью. Он ей понравился, но он был не про нее. Ей показалось, что я избегаю говорить о вагинах, что они для меня не часть женского тела, а будто неодушевленная вещь. Даже мое описание стонов преподносило вагину как отдельный предмет, обособленный от женщины, делало их независимыми от вагины. Лесбиянки совершенно по-другому воспринимают вагину. Однако я не смогла уловить, в чем именно разница. Поэтому я снова прислушалась к ее словам.

«Поскольку я лесбиянка, — сказала она, — я должна начать с самого для лесбиянок главного, не связанного на вопросе полов. Я люблю женщин не потому, что мне не нравятся мужчины. Мужчины вообще не берутся здесь в расчет. Речь идет о проникновении в вагину. Нельзя говорить о лесбийском сексе, не упоминая об этом.

Например, — говорит она, — я занимаюсь сексом с женщиной. Она внутри меня. Я внутри себя. Мы вместе меня трахаем. Во мне четыре пальца, два ее и два моих».

Я изначально не собиралась рассуждать о сексе. Но, с другой стороны, как я могу говорить о вагинах, не рассматривая их в действии? Я беспокоюсь, что пьеса окажется провокационной, что в ней будет эксплуатироваться тема секса. Разве я говорю о вагинах, чтобы возбуждать людей? И разве это плохо? «Мы лесбиянки, — говорила она, — и мы знаем о вагинах все.

Мы трогаем их. Лижем их. Играем с ними. Дразним их. Ощущаем запах клитора. Мы ощущаем себя». Я почувствовала, что она смутила меня. Тому было несколько причин — возбуждение, страх, ее любовь к вагинам и то, как ей с ними уютно, а также моя отстраненность и боязнь произнести все это вслух перед вами, перед моей публикой. «Я люблю играть с половыми губами, — рассказывала она, — играть пальцами рук и ног, языком. Я люблю медленно входить между ними, просовывать внутрь три пальца. Но есть и другие полости, другие входы. Есть рот. У меня есть вторая рука, мои пальцы у нее во рту и в ее вагине, все пальцы заняты, она сосет мои пальцы, ее рот сосет мои пальцы, ее вагина сосет мои пальцы. Они сосут вместе, они влажные».

Я поняла, что уже не знаю, что уместно, а что нет. Я даже не знаю, что означает само слово «уместно». И кто это решает. Я столько узнала из ее рассказа. О ней, обо мне. «Потом я погружаюсь в свою влагу, — говорит она, — она может войти в меня. Я ощущаю собственную влагу, позволяю ей погрузить в меня пальцы, в мой рот, в мою вагину, одновременно. Я выталкиваю ее руку из моей пизды. Я трусь своей влагой о ее колено, и она чувствует. Я скольжу вниз по ее ноге, и вот мое лицо оказывается между ее бедер».

Если о вагинах говорить, убьют ли слова ее тайну? Или это еще один миф, чтобы держать вагину в темноте, в незнании, лишенную удовольствий? «Мой язык на ее клиторе. Язык сменяет мои пальцы. Мой язык входит в ее вагину».

Когда произносишь такие слова, ощущаешь грех, опасность, чрезмерную прямооту, излишнюю

натуралистичность, неправильность, напряжение, ответственность, силу жизни.

«Мой язык на ее клиторе. Язык сменяет мои пальцы. Мой язык входит в ее вагину».

Важно любить женщин, любить наши вагины, знать их, ощущать, иметь представление о том, кто мы и что нам нужно. Доставлять себе удовольствие, учить любовников доставлять его нам, присутствовать в наших вагинах, громко говорить с ними, говорить об их голоде, боли, одиночестве, радости. Выводить их на свет божий, чтобы их не забыли, не бросили в темноте, чтобы наш центр, наше средоточие, наш мотор, наша мечта не были больше заперты в одиночестве, изуродованы, обездвижены, сломаны, опозорены и спрятаны. «Ты должна говорить о том, как входят в вагину», — сказала она. «Отлично, — ответила я. — Входи».

Я выступала с этой пьесой уже два года, когда внезапно осознала, что в ней нет ни одного рассказа о родах. Досадное упущение. Но когда я сказала об этом одному журналисту, он спросил меня: «А при чем тут роды?»

Почти двадцать один год назад я усыновила Дилана, который был почти моим ровесником. В прошлом году у них с его женой, Шивой, родился ребенок. Они попросили меня присутствовать на родах. Думаю, что даже после всех своих исследований я не понимала вагины так, как поняла ее после этих родов. И если раньше я испытывала перед ними трепет, то сейчас, после рождения моей внучки Колетт, я преклоняюсь перед вагинами.

Я БЫЛА В ТОЙ КОМНАТЕ

Посвящается Шиве

Я была там, когда ее вагина открылась.

Мы все были там: ее мама, ее муж

и я.

Там также была медсестра с Украины,

и пока ее рука

в резиновой перчатке

ощупывала вагину,

сама она разговаривала с нами как ни в чем не

бывало, как будто

чинила водопроводный кран.

Я была в комнате, когда у нее начались схватки,

и она

ползала на четвереньках от боли,

и невообразимые стоны сочились прямо из ее пор.

Я по-прежнему была с ней несколько часов спустя,

когда она неожиданно дико закричала,

заслоняясь руками от электрического
света.

Я была там, когда ее вагина
из скромной сексуальной норки
превратилась
в шахту археологических раскопок,
священный сосуд,
венецианский канал,
глубокий колодец с застрявшим в нем
ребенком,
ждушим вызволения.

Я видела цвета ее вагины. Они менялись.
От фиолетово-синего
до раскаленно-красного
и потом серо-розового.

Я видела кровавые выделения по краям,
бело-желтую жидкость, кал, сгустки,
выходящие из всех отверстий,
усиливающиеся толчки,
видела появившуюся головку ребенка
с черными волосиками,

видела ее прямо за лобковой костью, —
вот такое твердокаменное, впечатавшееся
в память

воспоминание.

А медсестра все продолжала орудовать
своей скользкой рукой.

Я была там, когда мы с ее мамой, прилагая
все

силы, держали ее ноги

во время потуг,

а ее муж считал «Раз, два, три»

и просил ее тужиться еще.

Потом мы смотрели в нее.

И мы не могли отвести взгляда от этого
места.

Мы все забыли про вагину.

Иначе как можно объяснить отсутствие
благоговейного трепета, отсутствие
стремления познать ее?

Я была там, когда доктор

вставил в ее вагину зеркало кэрролловской
Алисы,

и вот ее вагина стала

ртом

оперной певицы, поющим во весь голос.

Сначала появляется маленькая головка,

потом высовывается серая ручка,

затем выплывает тельце и

быстро соскальзывает

к нам в руки.

Я снова была там, я повернулась и

встретилась с ее

вагиной.

Я стояла и смотрела на нее,

распластанную, беззащитную,

искалеченную,

воспаленную, порванную, кровоточащую

прямо на руки доктору,

который спокойно зашивал ее.

И когда я стояла и смотрела на нее, вагина

вдруг

превратилась в большое, красное,

пульсирующее сердце.

Сердце способно на самопожертвование.

Вагина тоже.

Сердце может простить и излечиться.

Оно может менять форму и впустить нас
в себя.

Оно может раскрыться и отпустить нас.

Так же и вагина.

Сердце делает для нас все — терпит боль,
пульсирует изо всех сил,

умирает, кровоточит, кровоточит еще
сильнее,

и все для того, чтобы мы появились
в этом мире, сложном и прекрасном.

Вагина делает то же самое.

Я была в той комнате.

Я помню.

«ДЕНЬ V»

ИСТОРИЯ «ДНЯ V» и «ИНИЦИАТИВЫ ВУЗОВ»

Карен ОБЕЛЬ, директор «Инициативы вузов»

Я не сама организовала «День V». Я всего лишь год как была в составе директоров сайта Feminist.com, когда на совет была приглашена Ив Энцлер. Ее пригласила Кэти Наджими, она считала, что некоторые цели нашего сайта пересекаются с целью Ив прекратить насилие над женщинами. Кэти была права. Это собрание дало начало «Дню V».

Благотворительный комитет «Дня V» был создан из женщин, пришедших по нашему приглашению, которые, в свою очередь, пригласили своих знакомых и так далее. Первым проектом стал «День V», устроенный в 1998 году. Его целями были запуск движения «День V», поиск спонсоров, а также донесение до широкой общественности информации о необходимости прекратить насилие над женщинами. В 1998 году «День V» представлял собой благотворительную постановку «Монолог вагины» с участием знаменитостей. Она проходила в театре Хаммерштейн в Нью-Йорке. Все билеты были проданы, но на улице все равно толпились сотни людей, надеявшихся попасть внутрь. Каждый хотел стать частью «Дня V», значимого события, навсегда изменившего смысл Дня святого Валентина.

Мне кажется, тон всему задала Гленн Клоуз, на репетиции за день до представления. Я была в кассах, когда услышала, как она консультируется с Ив по поводу вариантов произношения в монологе.

Она спрашивала: «Нужно так — о, о, о, или а, а, а?» Вне контекста вопрос мог показаться странным и даже глупым. Но я слушала Гленн, наблюдала, как она готовится, и осознала, насколько глубоко участники «Дня V» были вовлечены в это событие, и как ясно они представляли себе важность посылов, содержащихся в «Монологам вагины» и движении «Дня V». Зрители тоже поняли это. Мужчины и женщины, студенты и бизнесмены, матери и театральные работники то смеялись, то замирали, молчали, плакали, аплодировали — все воспринимали происходящее на сцене с открытым сердцем, разумом, душой. Когда Гленн Клоуз подошла к кульминации «Реабилитации пизды», она уже ввела зрителей в такой раж, что они просто не могли не откликнуться на ее просьбу присоединиться.

Несмотря на сопротивление некоторых потенциальных спонсоров (ведь у многих людей почему-то нелады со словом «вагина»), событие оказалось невероятно прибыльным и получило положительные отзывы критиков. Газета «Нью-Йорк Таймс» сначала отказалась размещать платную рекламу события, так как сочла название неприемлемым, но позже приняла окончательную версию и назвала событие «самым жарким представлением в городе».

Организационному комитету пришлось много и самоотверженно потрудиться, чтобы первый «День V» прошел удачно. Наша ответственность постоянно возрастала, так как повышались и требования. Я

начинала как обычный волонтер, потом стала секретарем комитета, а к премьеру была уже техническим директором. В течение года работы над «Днем V» я часто спрашивала себя, почему отдаю так много сил организации, выступающей против насилия над женщинами, но я понимала, что эта цель того стоит. А ведь я, к счастью, не стала жертвой насилия. В течение нескольких месяцев подготовки я приходила домой после ненормированного рабочего дня, во время которого от трех до десяти часов отвечала на электронные письма, составляла и отсылала различные документы, придумывала приглашения, набрасывала схемы расположения зрительских мест и так далее. Я здорово уставала, но никогда еще не чувствовала такого вдохновения и счастья. Каждый день был радостным, на каждый день была намечена важная цель.

Перед началом выступления я сидела в зале вместе с друзьями и семьей, моя мама сидела рядом. В конце представления Ив вышла на сцену и попросила встать тех, кто испытал насилие на себе или знает его жертв. Я встала. Моя мама встала. Почти весь зал поднялся. Тут-то я по-настоящему и начала понимать, зачем нужен «День V».

Несколько недель спустя организационный комитет «Дня V» собрался отпраздновать успех пьесы и обсудить, что можно усовершенствовать. Первый раз за год мы не обсуждали надвигающееся событие. Первый раз за год я слушала, как женщины рассказывали истории насилия из их жизни. А ведь я знала этих женщин как сильных, выдающихся, творческих, самодостаточных и была уверена, что изучила их отлично. Их рассказы поразили меня. Эти женщины с такой самоотдачей работали над постановкой, что за год постоянных встреч ни разу не

позволили себе отклониться от общей цели, чтобы привлечь внимание к себе. Но когда они начали говорить, их рассказы о пережитом были так ужасны, что я бы в них не поверила, если бы не слышала все сама.

Я ушла с собрания в полном оцепенении, найдя еще один ответ на вопрос, зачем нужен «День V». Я поняла, что многие из тех, кого я знаю и еще узнаю, пережили насилие и могут поведать истории, похожие на те, которые я услышала тем вечером. Я решила, что сделаю все возможное, чтобы изменить этот мир и искоренить причины и источники насилия над женщинами, предотвратить его разрушительные последствия. Мы начали говорить людям, что эта социальная проблема существует, и это стало первым шагом по ее устранению.

Поэтому организационный комитет «Дня V» поставил цель: к 1999 году донести эту информацию до всех жителей нашей страны. Так родилась идея «День V — Инициатива вузов». Мы решили предложить колледжам и институтам подготовить постановку «Монолог вагины» ко Дню святого Валентина. Доход от этих пьес пойдет в фонды студенческих общин через организации, ведущие борьбу с насилием над женщинами. Я была волонтером — руководителем этого проекта.

Я возлагала на «Инициативу вузов» большие надежды, но не представляла, чего именно ждать, как все пройдет, как достичь задуманного. Я начала со сбора информации о колледжах и университетах США в Интернете. Я бесконечно, ежедневно, в течение многих недель писала письма на женские курсы, театральные факультеты, профессорам, в студенческие активистские организации, медикам, в вузовские театральные кружки,

любому, кто, как мне казалось, мог заинтересоваться и ответить. Я писала в каждый вуз из моих бесконечных списков, пока картинки и слова на мониторе компьютера не начинали сливаться. Если мне отвечали, то иногда из любопытства, иногда с подозрением, иногда враждебно, а иногда с энтузиазмом. Некоторые уже слышали о «Монологам вагины», хотя тогда пьеса не имела такой известности, как сейчас. Многих интересовала «Инициатива вузов», но они не верили, что цели действительно достижимы, что участие бесплатно, что нет никакого подвоха.

Когда замысел стал обретать форму, мои адресаты начали сообщать мне о том, что у них получается. Иногда они беспокоились, что участников не хватает, что сложно найти зрителей и что они сталкиваются с критикой и неприятием со стороны тех, кто не видит смысла в проекте или настроен против подобных начинаний. Иногда люди отказывались от «Инициативы» из-за слишком сильного сопротивления со стороны вуза, некоторые переставали верить, что найдут поддержку или средства для воплощения задуманного, другие обнаруживали, что начали пренебрегать личными обязанностями из-за проекта. Кто-то уходил, но практически сразу находилась замена. Иногда мне удавалось убедить людей остаться и бороться. Так произошло с ребятами из моей alma mater, Корнельского университета. Они не отступали и давали представления два года подряд, их постановки имели успех, они получили серьезный опыт. И другие, похожие на эту команду из Корнелла, те, кто держался до конца, писали восторженные письма о вдруг появившихся спонсорах, благожелательных отзывах в прессе, о той радости и силе, которая проснулась в них во время участия в

проекте «День V», о гордости за собственную способность справиться с задачей.

В итоге мои адресные рассылки, сайт «Дня V» www.vday.org и «сарафанное радио» сработали и привлекли к проекту «День V — Инициатива вузов 1999» более шестидесяти пяти учебных заведений в США и Канаде. Сначала я была разочарована этой цифрой, но потом поняла, как важно, что эти вузы вообще дали согласие. А самое главное, я осознала, с какой отдачей работали участники. Считаю, что «Инициатива вузов» стала памятным событием в истории «Дня V». Наша деятельность громко освещалась в прессе, в Северной Америке с «Днем V» и «Монологам вагины» познакомились 20 000 человек. Всю неделю накануне Дня святого Валентина я получала от своих адресатов невероятное количество писем с вопросами, когда они могут начать работу над следующей ежегодной программой:

«Всего месяц назад мы узнали о „Дне V“, но смогли поставить пьесу очень быстро. Наш театральный факультет отказался участвовать, поэтому мы привлекли всех желающих: профессоров, нескольких женщин из дружественных организаций, студентов с отделений искусства, права. Должна сказать, что преклоняюсь перед этими женщинами. Они работали на „отлично“. Мы смеялись и плакали, от некоторых рассказов мурашки шли по коже. Их пришло примерно 200 человек, и все были встречены с восторгом. Не думаю, что они знали, чего ожидать, но после шоу многие подходили ко мне и говорили, что обязательно приведут сюда своих знакомых, что многим необходимо нас

послушать. Этим все сказано. Мы получили столько положительных отзывов! Наши зрители были очень разные, но такие отзывчивые, готовые помочь, атмосфера в зале была просто замечательная. Жаль, что все закончилось. Мы все с нетерпением ждем следующего года! Мне нужна неделя, чтобы выспаться, и я снова готова работать, планировать. Карен, только скажи!»

*(Мишель, Университет Северного Иллинойса,
отделение право, 19 февраля 1999 года.)*

Мы поняли, что просто обязаны в следующем году повторить «Инициативу вузов». Что мы и сделали. Программа «День V — Инициатива вузов 2000» отличалась от предыдущей по трем пунктам: были спонсоры, преподавался курс женского права, и информация о ней разошлась уже по всему миру. Сначала спонсором нашего небольшого, но важного события, состоявшегося в 1999 году, стал журнал «Селф» — он осветил мероприятие в февральском номере, а потом решил стать главным спонсором спецпроекта «Инициативы 2000» «Курс женского права». 6 ноября 1999 года сотни студентов из вузов, принимающих участие в проекте, приехали в Нью-Йорк на занятия под руководством Ив. Ив инструктировала студентов по поводу организации постановки «Монолог вагины», а после они смотрели пьесу с ее участием в театре Вестсайд. Студенты были на неделю погружены в проект «День V» и сдружились с другими участниками «Инициативы вузов». Те, кто принимал участие в курсах женского права, отзывались о занятиях как о лучшем опыте во всем проекте.

Если в 1999 году в «Инициативе вузов» в основном принимали участие женщины из США и Канады, то в 2000 году «День V» значительно расширил свои границы, в движение влились участники со всего мира. К нам присоединились сто пятьдесят вузов от Университета Сан-Франциско, Корнуэльского колледжа искусств в Университете штата Вашингтон, до Оксфордского университета в Англии и Университета Фридриха Шиллера в Германии. Основываясь на цифрах в отчетах вузов-участников, можно утверждать, что мероприятия «Инициативы вузов» в рамках «Дня V» в 2000 году посетили 65 000 человек. Благодаря этим событиям и их освещению в прессе с «Монологам вагины» и «Днем V» познакомилось более пятнадцати миллионов человек по всему миру. Если взять цифры проекта «Инициатива вузов» и добавить число тех, кто праздновал «День V» вместе с «Монологам вагины» по всему миру, то количество людей, так или иначе причастных к проекту «День V», стало за эти три года просто невероятным.

Участники «Инициативы» требуют повторить проект. Поэтому я буду руководить программой третьего по счету «Дня V» 2001 года.

Хотя большинство добровольцев, взявших на себя руководство проектом «Инициатива вузов», — это девушки студенческого возраста, среди них есть и мужчины, профессора, руководители театральных студий. Некоторые участницы — феминистки, другие не имеют каких-то определенных убеждений. Причины у всех разные, но каждый твердо убежден в необходимости проведения «Дня V» в их сообществе. Все вузы ставят одну и ту же пьесу — «Монологи вагины», но каждое мероприятие уникально. У некоторых получаются очень личные камерные чтения, у других — эксцентричные

театральные и политические перформансы. Многие вузы организуют дополнительные встречи со зрителями, информационные центры, развлечения, связанные с темой проекта. Существуют постановки «Диалогов вагины». На сайте проекта есть координаты консультантов из группы поддержки для пострадавших от сексуального насилия. Устраиваются специальные вечеринки и мероприятия по сбору средств. Музыка, живопись, танцы. Университет штата Аризона установил у входа сорокапятифутовую надувную вагину. Технологический институт Рочестера поставил пьесу одновременно на английском и на языке жестов. Вашингтонский университет в Сент-Луисе организовал показ одежды, а стартовал этот проект в Хианнисе, штат Массачусетс, в октябре 1990 года, и был направлен на прекращение насилия над женщинами. Проект предлагал женщинам разместить свои рассказы на футболках, которые потом вывешивались на всеобщее обозрение — получается этакая прачечная для грязного белья человечества. Одновременно с пьесой в Миддлбери проходил Информационный фестиваль феминисток. Университет Небраски в Линкольне установил на средства Ассоциации женских исследований информационный киоск и устроил лотерею с призами от местных ресторанов, массажных салонов, с розыгрышем картин местных художников, а также бесплатный ежегодный экзамен в местном отделении Планирования семьи. В Университете Невады в Лас-Вегасе поставили «Стену „Дня V“» — коллаж с фотографиями участников, историей «Дня V», текстами, открытками-валентинками.

Все эти примеры доказывают, что «Инициативы» отличаются друг от друга так же, как и люди, которые в них участвуют.

Хотя «Инициатива вузов» изначально была создана, чтобы рассказать о целях проекта «День V» максимально широкой аудитории, проект дал более заметные результаты.

Во-первых, для многих молодых женщин и мужчин из числа участников проект стал самым большим и серьезным мероприятием в жизни. Проект требовал значительных усилий: необходимо найти место для его проведения, начальные средства и спонсорскую помощь, организовать прослушивания, отбор участников и руководящей группы, обеспечить рекламу и освещение в прессе, репетиции, сбор пожертвований, собственно показ пьесы, и все это нужно совмещать с учебой. Реже встречаются другие, более серьезные трудности. Вандалы портят и срывают афиши, спонсоры в последний момент отказываются давать средства, боясь испортить свою репутацию, кто-то устраивает погром в месте проведения спектакля и срывает мероприятие, порой даже местные власти бывают настроены враждебно. Постановка «Монолог вагины» в Университете штата Аризона в «День V» в 1999 году послужила ярким примером сопротивления властей: председатель комиссии по образованию Линда Грей предложила отказать фонду программ по исследованиям женских вопросов, организованному тремя университетами Аризоны, в выделении 1,6 млн. долларов. Позже она отозвала свое предложение. В Вашингтонском университете в Сент-Луисе группа студентов распространяла листовки с агитацией против проекта и угрожала сорвать мероприятие. Но глава студенческого комитета перевела угрозы и назревающий бунт в созидательное русло: она пригласила зачинщиков на мероприятие, и они были полностью покорены

представлением. После шоу они извинились и признали, что не понимали всей серьезности проблемы насилия над женщинами.

Подобных ситуаций было немало, но участники неизменно одерживали победу над обстоятельствами. Несмотря на сложности в организации «Дня V», а может, и благодаря им, очень многие участницы и участники были вдохновлены собственными успехами, и поэтому постановки получались потрясающими. Многие за всю свою жизнь никогда не имели возможности, желания, сил сделать, «провернуть» то, что эти семнадцати—двадцатилетние женщины смогли за один семестр.

«Уважаемая Карен,

Лично для меня „Инициатива вузов“ стала самым запоминающимся событием из всей студенческой жизни. Во время руководства постановкой „Монолог вагины“ я узнала о себе много такого, о чем и не подозревала раньше.

Работа укрепила мою веру в силу сообщества, я имею в виду прежде всего сплоченное женское сообщество. Я даже не могу описать, что я чувствовала, сидя в зале и наблюдая, как мои еще недавно такие застенчивые актрисы смеются, стонут и плачут о своих вагинах, как они ощущают власть своих слов над окружающими».

*(Даниэль, Университет штата Колорадо, 19 мая
2000 года.)*

Как сказала в своем письме Даниэль, многие молодые мужчины и женщины, участвуя в «Инициативе

вузов», ощутили «силу сплоченного женского сообщества» и необходимость его существования. Это второй значительный и непредвиденный результат «Инициативы вузов». «Монологи вагины» и «День V» дали новому поколению особое понимание феминизма. И, возможно, самое важное последствие: многие участники (агенты, актрисы, помощники, зрители) пришли на проект, осознанно или подсознательно желая излечиться от травмирующих воспоминаний о пережитом сексуальном насилии. Многие из них писали мне о чувстве одиночества, страха, беспомощности, отчаяния, боли, о снижении самооценки, они все были уверены, что им не избавиться от этих ощущений. Так было до их знакомства с «Монологами вагины» и «Днем V». Пьеса и наше движение стали для них лекарством, обеспечившим им выздоровление сегодня и выживание в будущем.

«Карен, мне было просто необходимо написать вам письмо. Хочу сказать, что встреча с вами и с Ив стала на сегодняшний день самым важным и незабываемым событием моей жизни. Вы задали мне некий ориентир, теперь я знаю, какой женщиной я хочу быть. Я вам не рассказала, я вообще редко об этом говорю, но я пережила изнасилование. Я стала частью проекта „День V“, встретила замечательных женщин, которые учили девушек моего возраста взрослеть и становиться сильными, умными, интересными, чувствовать единение. Они размышляли над теми же проблемами, что и я. Они пробудили во мне желание приложить все силы к предотвращению того, что случилось со мной и многими другими молодыми женщинами. Этот проект вернул мне то, что я потеряла, когда спешила позабыть о

произошедшем. Я потеряла свое тело. Но теперь я уверена, что найду его».

(Анонимная студентка, 21 октября 1998 года.)

Руководство «Инициативой вузов» в рамках «Дня V» оказалось намного более сложной задачей, чем я предполагала, но и окупилось с лихвой. Я получала от двадцати пяти до семидесяти пяти писем в день. И отвечала на каждое из них. Но это было только частью моих ежедневных обязанностей. Ни над одним проектом я еще не работала с такой самоотдачей. Случались дни, когда, просидев двенадцать изнурительных часов за компьютером, я снова спрашивала себя: «Зачем нужен этот „День V“?» Но вот я получаю очередное письмо от участника «Инициативы», и все снова становится на свои места. Письма сыплются одно за другим, и во многих люди со всего мира, принадлежащие к разным социальным и этническим кругам, говорят, что с помощью «Монологов вагины» и «Дня V» открыли для себя новый способ мышления, научились говорить о своих проблемах, раскрыли в себе новые силы, смогли помочь и другим, и самим себе. Я уверена: прочитав эти письма, каждый из вас поймет, зачем нужен «День V».

подходит именно вам. Не загоняйте себя, просто наслаждайтесь процессом. И все получится:). Удачи!»

(Дана, Университет Брауна)

Коллегам по «Инициативе вузов»

«До Дня Благодарения мы проводили прослушивания, к нам пришли сорок женщин, это было потрясающе. Мы выбрали девять из них, и, в принципе, у нас получилась довольно разношерстная команда — они разные по расовой принадлежности, по сексуальной ориентации, возрасту. Репетиции начались, и я уже в восторге. Что касается спонсоров, то все деньги мы получаем от университетских сообществ. Нам повезло: мы получили грант по гуманитарным наукам и можем пустить его на постановки, концерты и тому подобное. Но я также ищу средства на другие политические проекты, которые мы осуществляем. Для этого я связалась с Организацией по исследованию женских вопросов, в планах у меня наладить контакты с факультетами истории Америки, социологии, организациями по правам афро-американцев (один из наших лекторов как раз упоминала о малоимущих чернокожих женщинах) и с любыми другими факультетами, которые могут заинтересоваться нашей темой. Плюс я составляю план бюджета для службы поддержки нашего университета, и они выделяют еще несколько сотен долларов на краткосрочные проекты. Также хочу обратиться в феминистский правовой журнал при факультете юриспруденции за финансовой и любой другой помощью. Буду

следить за появлением сообществ выпускниц вузов, способных оказать материальную поддержку. Если вы ставите перед собой те же цели, а ваш факультет придерживается либеральных взглядов, советую обратиться в администрацию. Мы обратились к нашему декану, распоряжающемуся определенным денежным фондом, средства из которого распределяются на его усмотрение, хотя, конечно, наш проект немного выходит за рамки допустимого. Если же ваш студенческий клуб не располагает никакими средствами, можете обратиться в сообщества за пределами университета, возможно, вам дадут ссуду в местном Центре планирования семьи. Даже если они не смогут помочь материально, они направят вас в другие организации. Надеюсь, мои советы будут вам полезны!»

(Аника, Йельский университет)

«Просто хочу сказать, что „Монологи вагины“ и празднование „Дня V“ в Линкольне, штат Небраска, это СОБЫТИЕ! Линкольн — очень консервативный город, со стороны кажется, что уж женские проблемы его точно не заинтересуют. Небраска знаменита своей „хаскероманией“: здесь во время университетского футбольного сезона люди ходят на стадион, как в церковь, дважды в неделю, субботним вечером и в воскресенье утром. В этом штате бывший футбольный тренер считается полубогом, баллотируется в сенат и имеет о-очень серьезные шансы на победу. В нашем штате насилие над женщинами — норма. Пару лет назад один из наших „звездных“ футболистов получил

предупреждение и был отстранен от игр за преследование своей бывшей подруги. Несмотря на равнодушие местного руководства, пользующегося дурной славой, есть много людей, стремящихся прекратить насилие. Я поражена огромным количеством доброжелательных отзывов, которые я получила, организовав шоу в Линкольне. Спектакль и вправду открывает людям глаза, проникает в умы и сердца!»

(Кэрри, Университет Небраски, Линкольн)

ДВИЖЕНИЕ РАСШИРЯЕТСЯ

«Сначала „Монологи вагины“ были восприняты у нас отрицательно. Но мы получили финансовую поддержку от факультетов. Я забронировал зал на 450 мест, и не думаю, что этого хватит».

(Дэвид, Университет штата Орегон)

«Я пытаюсь наладить работу в нашем сообществе. Я обратилась в несколько приютов и благотворительных организаций, и они очень заинтересовались. Они спросили, чего я от них жду. На этом я пока застряла...»

(Лаура, Университет Пьюджет-Саунд)

«Еще раз хочу вас поблагодарить, за то что разрешили Университету штата Колорадо поставить „Монологи вагины“ в прошлом ноябре. Шоу имело огромный успех, а „вагина“ до сих пор у нас самое модное слово. Все билеты на 80 мест разошлись сразу, позже были даны еще два дополнительных

представления. Мы даже нарушили правила пожарной безопасности (тсс!), каждый раз добавляя по 20 мест. Мы заработали столько, что смогли выплатить взятые на постановку кредиты. Мы поставили пьесу раньше срока, и теперь планируем повторить ее ко Дню святого Валентина. На это раз мы выступим дважды, в зале на 650 мест, нашу рекламу спонсируют фирмы со всего нашего когда-то такого консервативного города. Это шоу принесло нам колоссальную пользу! Еще я хочу отметить, что, упростив правила, вы помогли нам донести послание, содержащееся в этом проекте, до сотен людей».

(Даниэль, Университет штата Колорадо)

«Каждую неделю мы выпускали небольшие рекламные проспекты, чтобы люди знали, что день представления приближается. Например, такие: „Как мы говорим о своих телах, если не можем произнести слово 'вагина'?“ или „Ты сегодня уже сделала свой клитор счастливым?“ или „'День V' приближается“. Наши постеры куда-то загадочным образом исчезали, потом один из участников наткнулся на изуродованный плакат (тот, что про клитор). Слово „клитор“ было зачеркано, на его месте был нарисован эякулирующий пенис. Я слышала в студгородке перешептывания и нервные смешки: „Вагина?! О господи!“ (смех) „Как мы говорим о своих вагинах?!“ (смех). Думаю, главная задача шоу как раз и заключается в борьбе с невежеством».

(Эман, Калифорнийский университет в Санта-Круз)

«Это был такой сумасшедший, такой воодушевляющий опыт! Даже не знаю, с чего начать. Если объединить тяжелый труд, упорство и любовь, всё получится. У нас прекрасные актрисы — студентки последних курсов, выпускницы и аспирантки, — а также актрисы из других вузов. Мы репетируем как ненормальные, и получаем от этого огромное удовольствие. Я все больше узнаю о „Монологам вагины“ и о женщинах. И это прекрасно».

(Джоан, Колумбийский университет)

«Дорогая Карен,

Я хочу поделиться тем, насколько глубоко меня потрясли все те женщины, которые приходят в наш Центр женского права и жертвуют своим временем ради постановки „Монологов вагины“. Когда я отвечала на ваше письмо, я и представить не могла, насколько ценный опыт мы приобретем. Я немного беспокоюсь по поводу негативной реакции некоторых студентов, ведь я полностью посвятила себя проекту. Я столько всего хочу вам рассказать, но мне предстоит сделать и организовать еще больше. Кроме того, нужно найти время, чтобы выучить собственную роль, поэтому мне уже пора идти. Пожалуйста, поблагодарите от меня Ив за все, что она нам дала. И вам большое спасибо, организационная работа такая трудная! Кстати, мы скоро распродадим последние билеты, а в нашем

зале 300 мест. Это чудесно! Еще одна воительница Вагины».

(Сандреа, Университет Нью-Мексико, Центр женского права)

«Карен, в шоу примет участие 31 человек с факультета, среди них и студенты, и преподаватели. Пьеса будет идти на английском с сурдопереводом, ведь примерно 10 % наших студентов плохо слышат или глухие. На сцене минимум декораций, во время большинства монологов на сцене присутствуют две актрисы, одна говорит, другая переводит на язык жестов. В нескольких монологах участвует группа женщин. Это „Что надела бы и что сказала бы ваша вагина?“, „Чем пахнет вагина?“, „Мама дала мне пощечину“ и „Я была в той комнате“. Между монологами на большой экран будет проецироваться статистика случаев насилия, эту информацию мы почерпнули из описания проекта. До шоу и по его окончании в зале будет играть музыка, воспевающая женщин, женское здоровье, женскую сексуальность, женскую силу. До шоу и после него около местных оздоровительных центров будут стоять информационные стенды, будет организована продажа книг, футболок, значков, шоколадок в форме вагины. На входе мы собираемся разместить выставку работ студентки, рисующей вагины».

(Джули, координатор Женского центра, Рочестерский технологический институт)

«Мне очень нужно с вами поделиться! Наша самая крупная местная газета чрезвычайно (и это еще мягко сказано) консервативна. Поэтому я ожидала, что, даже несмотря на личную дружбу журналистов с некоторыми из участников, о нас напишут где-нибудь в самом неприметном уголке на задней полосе. Однако, как недавно обнаружилось: про нас будет статья в воскресном выпуске, и НЕ ПРОСТО заметка, а целая статья довольно большого объема. Еще они обещали один раз НАПЕЧАТАТЬ слово „вагина"! Заметьте, речь идет о Ноксвиле, штат Теннесси! Здесь в магазинах прикрывают обложки журнала „Космополитэн", потому что фотографии там, мол, слишком вызывающие! Но мы несем в город перемены! Вива „ДеньV"!»

(Линда, Университет Теннесси, Ноксвилль)

«Я только хочу поблагодарить вас, и Ив, и всех остальных, чьих имен я не знаю, за то, что вы дали нам эту возможность. С момента, когда я включилась в проект, я столько узнала о себе! Я научилась пользоваться случаем. Я вообще стала счастливым человеком, ведь я чувствую себя частью чего-то огромного, важного, непобедимого, захватывающего... можно продолжать до бесконечности. На самом деле я именно так и говорю в последнее время минимум по пять раз в день. С уважением».

(Дженна, Университет Карнеги Меллон)

СОБЫТИЯ

«Это какое-то сумасшествие. Мы распродали все билеты за пару часов!»

(Дана, Броуновский университет)

«Мы начинаем сегодня в 3.30.

Вчерашняя репетиция оказалась очень эмоциональной. Женщина, читающая „Пипиську“, сорвалась и около пяти минут всхлипывала: „Моя пиписька — очень плохое место“. Она боялась, что не сможет сыграть сегодня, не расплакавшись. Мы все сказали, что будет, возможно, даже лучше, если она заплачет, этот монолог ОБЯЗАН взбудоражить людей. Самое смешное, что наша репетиция проходила в аудитории, по соседству с которой шла историческая конференция (постколониализм и все такое). Уверена, их шокировали крики Кристи: „ПИЗДА, ПИЗДА! СКАЖИТЕ ЭТО! ПРОИЗНЕСИТЕ! ПИЗДА! ПИЗДА! ПОВТОРИТЕ ЗА МНОЙ! СКАЖИТЕ!“ А потом наши ответные крики, и, позже, мой стон тройного оргазма. Н-да... надеюсь, они его хорошенько расслышали!»

(Мэри, Университет штата Мичиган)

Коллегам по «Инициативе вузов»

«Я просто обязана разослать это письмо группе таких прекрасных вагиноговорящих женщин. Лучше поздно, чем никогда, верно? Я просто хочу сказать, что мы делаем удивительное

дело, и каждый раз, когда меня спрашивают: „Зачем ты говоришь о вагинах?“ — я думаю обо всех откликах, которые получила. Я знаю, что сейчас мы только делаем первые шаги по направлению к жизни, в которой внучкам наших дочерей не нужны будут пьесы о вагинах, с ними и без того будут говорить о вагинах и говорить уважительно. Но пока я убеждена, что нам еще долго предстоит сражаться, чтобы остановить насилие и стыд. Счастливого „Дня V“, пусть премьера будет блистательна!»

(Эмми, Вашингтонский университет, Сиэтл)

ЗАПИСКИ РЕЖИССЕРА

«Чем же женщины так особенны? В поисках ответа я набрела на бездонный колодец вариантов».

(Шехина Маунтинуотер)

«С самого начала, когда я с нетерпением ждала информационного пакета по пьесе, и потом, в процессе работы, весь мой опыт доказал, насколько правдива приведенная выше цитата. Путь, который я прошла вместе с пьесой, явил мне бесчисленное множество фигур, характеров, сердец и душ — все, что составляет единую форму, Женщину. Читая сценарий в первый раз, я поразились честности, точности и силе описания женщин в этих монологах.

Каждая могла пробудить подлинные, искренние эмоции, ведя правдивый рассказ о своей

жизни. От грустных историй я плакала, от веселых смеялась, но большинство рассказов вызывали одновременно и смех, и слезы. Передо мной представляли настоящие женщины, с реальным опытом, каждая была неповторима... воистину бездонный колодец вариантов.

Время шло, мы репетировали, собрав команду очень разных участниц (и ни одна из них не сошла с дистанции). Мы сами себя организовывали, сами планировали, репетировали. Я все лучше и лучше узнавала каждую из женщин. Некоторые сразу начали вести себя как актрисы, они готовили шоу, ведь это, в принципе, и было шоу. Другие были стопроцентными феминистками, они никогда в жизни не притворялись, они были готовы встать и сражаться за правое дело. Большинство же из нас как бы зависло посередине. Те, кто жил сценой, считали своим долгом сыграть так, чтобы спектакль остановил сексуально насилие. Те, кто ничего не понимал в игре, вдруг абсолютно точно выражали эмоции своих героинь, благодаря страсти и переживаниям, которые пробуждал в них сценарий. Все мы глубже и глубже осознавали этот полный спектр эмоций... бездонный колодец вариантов. Так много женщин, много характеров, много историй... Оказалось невероятно просто прочувствовать каждую героиню и каждую историю, но я открыла еще кое-что, более всего напоминающее мне родной дом. Я открыла бесконечность внутри себя. Частичка каждой из этих женщин присутствовала и в моем сердце, в сердце каждой из нас. Я ощутила внутреннюю связь между нами, поняла, что совершенно незнакомые женщины могут пребывать

друг с другом на одной волне. Я поняла, что могу быть и режиссером, и феминисткой, и возлюбленной, и студенткой... все эти ипостаси и составляли меня, женщину. Все мы, все женщины можем быть единым целым, быть воительницами, подругами, быть настолько разными, как нам хочется, быть... бездонным колодцем вариантов. Спасибо за то, что объединили нас для праздника „Дня V“. Желаем получить удовольствие от спектакля!»

(Хилари, Университет штата Мичиган)

ЧТО ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО ТРОНУЛО?

«Все шло гладко, люди хотели прийти, должны были прийти, обязаны были прийти. Хотели продолжения! Сами себе бросали вызов, заставляли себя испытывать неудобство, чему-то учились, перебирали чужие жизни. Я наблюдала за зрителями, слушала их, знала, что заставляю их волноваться, знала, что они поняли. Видела, как мои актрисы растут и становятся женщинами, следила за их ростом и перевоплощением».

(Лаура, Университет штата Калифорния, Лонг-Бич)

«Я работала с поразительными женщинами, которые ОТДАВАЛИ, ОТДАВАЛИ, ОТДАВАЛИ! Один из моих учеников с актерского отделения, мужчина, сказал, побывав на представлении, что никогда не ощущал в театре такой ОТДАЧИ! Теперь он действительно понял, что значит это слово. В тот вечер он пережил то, чем я и другие женщины

жили последние полгода, работая над проектом. Я трудилась бок о бок с людьми, которые верили в свою миссию, сделали первый шаг вперед и шли дальше, неукоснительно выполняя свои обязательства и, что важнее, поддерживая в себе позитивный настрой и чувство юмора. О чем еще можно просить?»

*(Йоланда, Детройтский университет, колледж
Мерси и Окленд)*

«Моя подруга говорила, что не понимает, зачем мы участвуем в „Монологх вагины“, и не видит смысла постоянно обсуждать, что у нас „там“. Однажды она все-таки пришла на представление, а на следующий день сказала мне, что пьеса изменила всю ее жизнь».

(Мариам, колледж Карлтон)

«Я люблю ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА, на основе которого создан „День V“, я страстно желаю покончить с сексуальным насилием (и насилием вообще). Хочу заявить: если я завтра умру, я имею право считать, что в моей жизни был смысл — он появился после участия в этом прекрасном проекте. Впрочем, я, конечно, надеюсь пожить еще, чтобы иметь возможность и дальше участвовать в этом благородном деле».

(Кэрри, Университет Небраски, Линкольн)

«Мне очень понравилось быть частью движения, которое помогает женщинам. Во время подготовки к спектаклю, особенно за несколько

недель до представления, я осознала, что могу произносить слово „вагина“ в повседневной жизни. Каждый раз, когда мы встречались с кем-то из участников в студгородке, мы громко и открыто обсуждали, как мы рады быть частью „Монологов ВАГИНЫ“. При встрече с преподавателями, в дружеской беседе с деканами, я могла открыто спросить, собираются ли они на „Монологи ВАГИНЫ“. Везде: в столовой, в местном магазине, в библиотеках, барах, ресторанах, „Монологи“ были моей излюбленной темой для разговора. Благодаря „Инициативе вузов“ я произносила „ВАГИНА“ по крайней мере двенадцать раз на дню в течение двух месяцев, и я смогла принять наконец это слово. Спасибо, Ив!»

(Тайлер, Корнельский университет)

«Я только что вернулась с представления. Это было потрясающе! Пришло так много народу, что мы просили хоть кого-нибудь уйти, но люди будто прилипли к полу, стояли снаружи и пытались заглядывать внутрь на протяжении всей пьесы! Нас было 30 человек, мы организовали постановку за две с половиной недели (включая прослушивания!). Я так боялась, что не все пройдет удачно, но нас приняли на ура. Нам аплодировали стоя! Спасибо, друзья, за все, что вы сделали! Я здесь новичок, никогда ничем не руководила, нигде не играла, а теперь моя жизнь изменилась, у меня есть возможность донести эту чудесную пьесу до огромного количества людей. Зрители расходились в изумлении. А ведь большинство моих „актрис“ не имели ни малейшего опыта, никакого отношения к

театру, и это, наверное, самое удивительное. Я даже не знаю, что сказать. Я просто скажу: спокойной ночи и счастливого „Дня V“!»

(Кара, Вестлейский университет)

«Карен, привет! Итак, наши студенты дважды за эти выходные выступали на сцене. Было очень много зрителей, и всем понравилось. Пришло немало студентов-мужчин, они были глубоко тронуты и чувствовали себя особенными, так как стали частью сплоченной женской аудитории. Один парень сказал мне, что как будто побывал в женской раздевалке, сидел там и слушал их разговоры. Другой попросил меня передать всем женщинам цветы, но настоял на сохранении анонимности. На его открытках просто было написано: „Женщинам из 'Монологов вагины': берегите себя и будьте сильными“. Мило, не так ли?

Многие дамы из числа зрительниц были просто ошеломлены. Среди наших студентов 45 % темнокожих и латиноамериканцев. Многие — первые в своих семьях, кто получает образование. Семьи более 65 % студентов имеют доход меньше 35 000 долларов в год. Я обнаружила, что многие наши студентки интересуются феминистской литературой, мыслят похоже. Большинство в этом колледже ничего не знает о политкорректности. Для этих женщин пьеса стала серьезным опытом. Одна из них позже сказала мне, что книга Ив должна стать женской библией! Я считаю, что пьеса очень важна и для мужчин. Если в принципе

существует шанс изменить их отношение к женщинам, их поведение, то возможность прочувствовать эту пьесу как раз и дает им такой шанс. Именно поэтому „Инициатива вузов“ — отличный проект!»

(Тоби, Мэримаунт Манхэттен колледж)

Коллегам по «Инициативе вузов»

«УРА ВОИТЕЛЬНИЦАМ ВАГИНЫ! Я обязана рассказать вам о том, что мы пережили в Университете Нью-Мексико. Это письмо будет длинным, так что, если вы заняты, возможно, есть смысл прочитать его позже. Этот проект изменил мою жизнь, и я хочу поблагодарить за это Карен и Ив. Мы начали подготовку к пьесе шесть недель назад. С того момента у меня и Сандреа не было выходных. Мы собрали труппу из разных по образованию и общественному статусу женщин от 16 до 60, у нас появился режиссер, и мы решили, что дело пошло. Но потом мы столкнулись со многими препятствиями, типично женскими трудностями: от беременности до рака. Две недели назад у нашего режиссера, чудесной женщины, обнаружили рак груди, и ей пришлось отказаться от проекта из-за операции. Операция прошла успешно, и сейчас режиссер идет на поправку. Сандреа и я взяли руководство на себя, я взяла роль „Ив“. Я больше остальных стеснялась выступить перед публикой, во время весеннего предварительного показа спектакля, я была за сценой. Я никогда раньше не выходила к зрителям, но знала, что должна это сделать. За последние две недели я выучила всю пьесу. В прошлую среду

в женский центр пришла молодая женщина, она только что была изнасилована двумя студентами. До репетиции оставалось полчаса, но мы с Сандреа знали, что обязаны ей помочь. Ее история стала главной новостью пятницы, и то, как она была освещена в прессе, возмутило всех. В субботу после репетиции, длившейся с 9 до 5, мы провели два с половиной часа с ней и ее друзьями, помогая ей справиться со случившимся. Все они были злы и напуганы, но их любовь и взаимная поддержка были прекрасны. Многие решились поведать свои истории, чтобы та молодая женщина поняла, что не одинока. Это было невероятно. Вчера та женщина пришла на представление — она такая смелая!

Мы продали все билеты еще в пятницу, многим пришлось отказать. Мы решили, что одного показа мало, но кто же мог знать заранее? Шоу получилось потрясающее! Зрители погрузились в него сразу, с самого начала. Они поддерживали нас, дарили свою любовь, — и смеялись там, где нужно! Я была поражена, ведь я никогда не участвовала ни в одной театральной постановке. Прямо перед началом пьесы я молилась и просила Ив быть со мной, помочь мне, и она откликнулась! Позже люди говорили мне, что поверили: они думали, что я и есть Ив. По крайней мере, они были убеждены в этом до того момента, как я произнесла, что 21 год назад усыновила мальчика (а ведь в программке было написано, что я только играю роль Ив). Я была польщена. В спектакле участвовали шесть сурдопереводчиков, и все они были великолепны. Они отдали нам столько времени! У каждой актрисы был переводчик, прямо

на сцене, рядом с ней, — это было невероятно! Люди приходили к нам прямо после работы, чтобы помочь с проектом. О да, нам аплодировали стоя и трижды вызывали на бис! Огромное спасибо за вашу любовь и поддержку на протяжении всего проекта. Удачи всем, кто на этой неделе выступает. Мы заработали минимум 2200 долларов для Центра женских исследований и Кризисного центра реабилитации жертв изнасилования в Альбукерке. ВАГИНА!»

(Саммер, Университет Нью-Мексико)

Коллегам по «Инициативе вузов»

«Поздравляю всех! Похоже, у всех „День V“ прошел успешно. В университете штата Аризона прямо перед началом представления собралось столько желающих, что пришлось продавать стоячие места на шоу с 16 до 18.30. В воскресенье мы дали три спектакля. Сначала, в 13.30, бесплатное представление для выпускников, педагогов, спонсоров. В 16.00 мы заработали 1108 долларов, а в 18.30 — 1209 долларов плюс 140 долларов за дополнительные места и 75 долларов пожертвований! Музыкальный гала-концерт принес еще 300 долларов, а выставка 500 долларов. Всего мы заработали 3332 доллара! Эта сумма будет разделена на три части и направлена в Общество борьбы против семейного насилия, Центр помощи жертвам сексуального насилия и „Цветным“, единственному центру помощи жертвам насилия в двуязычных семьях. Перед представлением в 16.00 выяснилось, что о нас уже слышали, и это было здорово! Мы на глаз посчитали людей до и после

представления. Треть зрителей стояла (у каждого третьего был стикер, выданный при входе) — это символизировало, что каждая третья женщина подвергается насилию до 18 лет. На их лицах было написано, насколько они поражены! Отличное начало шоу. Люди плакали!

В холле, после каждого шоу, мы устраивали показ одежды. Одна женщина лет сорока вбежала в комнату с футболками, вся в слезах, схватила футболку, символизирующую родительское насилие в детстве, и разрисовала ее, громко всхлипывая. Ей потребовалось 10 минут. Потом она ушла, сказав „Спасибо!“. Именно такие моменты доказывают, что шоу стоит затраченных усилий. Мы все подбадривали женщин, уговаривали поделиться своей историей, не держать ее в себе! Теперь, когда всё позади, я в глубокой депрессии, ведь я столько всего впитала (6 часов работы ежедневно с сентября), а ведь я еще и выпускница и соискательница степени бакалавра! Я не хочу быть ПРОСТО студенткой! Я хочу организовывать концерты и сбор благотворительных средств до конца своей жизни! Еще у кого-нибудь проявились такие же симптомы? Спасибо всем за письма ободрения и поддержки. Спасибо Ив и Карен за эту возможность! Это было невероятно!!!!!!!!!!!!!!

С любовью и вечной вагинорадостью!»

(Эмми, Университет штата Аризона)

«Привет всем! Я просто хочу пожелать всем удачи. Если вы получили хоть каплю той

поддержки, какая была у „Дня V“ в колледже Колорадо, значит, ваши выступления будут грандиозны!!! Мы провели последнее шоу в воскресенье. Мы трижды распродавали все билеты подчистую (более 200 мест).

А теперь рассказ о вагине: в субботу вечером мама, бабушка и сестры Меган пришли на спектакль. Бабушке 80 лет. После представления они все пошли в кафе ужинать. Во время ужина бабушка наклонилась к Меган и сказала: „Милая, в следующий раз я приду со своими подружками, мы будем говорить о наших вагинах. И если кто-то спросит, О ЧЕМ это мы говорим, я скажу: О ПИЗДЕ!“

Так много историй, столько приятных воспоминаний... У нас впереди огромное, интересное, прекрасное и сложное будущее. Удачи всем и счастливого „Дня V“!»

(Дженнифер, колледж Колорадо)

УРА!

«Читать письма Карен очень увлекательно, но лучший способ прочувствовать „День V“ и его цели — это собственно участие в „Монологам“. В студцентре Бланчарда народу набралось под завязку: люди сидели на полу, в проходах, свисали с балкона, аплодируя и крича по окончании каждого монолога. Каждый был в тот вечер на пределе. „Моя вагина — мой дом“ вызвала целое море слез, я не шучу. Плакали актрисы, глядя на

зрителей, в зале сидели женщины с мокрыми глазами, да и мужчины то и дело доставали платки, чтобы вытереть лицо. Пожалуй, я никогда не испытывала такой внутренней гордости, как в тот вечер, когда подошла к одиноко стоящему посреди сцены стулу, я была последней с монологом „Я была в той комнате“. Рождение казалось мне таким прекрасным, что я сама захотела подарить жизнь, а ведь раньше роды ассоциировались у меня исключительно со сплошной болью и муками. Не волнуйтесь, мне всего восемнадцать, и у меня еще достаточно времени. В первом ряду, прямо передо мной, сидела и плакала женщина, потом она подошла ко мне и спросила, присутствовала ли я когда-нибудь на родах. Когда я сказала, что нет, она обняла меня и сказала: „Ты рассказала все так, как и происходит на самом деле“. Она сказала, что она акушерка и всегда воспринимала роды как медицинское явление, а теперь она думает, что каждые роды действительно уникальны и прекрасны по-своему. Я так рада, что получила шанс участвовать в „Монологам вагины“ в этом году, надеюсь, что продолжу в следующем. Спасибо Ив за эту прекрасную возможность и спасибо всем, кто работал на износ, чтобы этот праздник состоялся, прошел по всему миру. Счастливого „Дня V“!»

(Пиа, колледж Маунт Холиоук)

«Карен! Бог мой! Наши представления прошли отлично! Ты, наверное, в курсе: меня очень беспокоило студенческое мужское братство. Но среди них затесался наш союзник. Он один из них,

но он передавал им все наши послания и помог привести их на шоу. И они пришли! Мы оставили для них первый ряд. И, хотя те грубые, обидные листовки были делом рук троих, пришло восемь человек. Я была в шоке! Я попросила их дождаться меня после шоу, и они стояли передо мной в оцепенении. Они просили прощения со слезами на глазах. Сказали, что не имели представления о масштабах и серьезности проблемы насилия над женщинами. Один сказал (цитирую): „Знаете, я не хотел идти, но теперь рад, что оказался здесь. Я потрясен, пьеса изменила меня“. Конечно, вы можете подумать, что он не был полностью искренен, но мне все-таки кажется, что был. Он пожал мне руку и попросил извиниться за них перед актерами. А ПОТОМ я видела, как один из них положил чек на 20 долларов в ящик для пожертвований! Нереально. Ни протестов, ни жестокости, ни едких замечаний. Я попросила своего парня и еще троих друзей понадежней следить за ними. Мои друзья сказали, что те не могли оторвать глаз от сцены, не разговаривали, не смеялись не к месту. Ура! И это только одна из чудесных историй того вечера. Просто я хочу, чтобы ты знала, как все прошло. Спасибо за мудрые слова (СНОВА!) и за все твои советы. Каждая из участниц хоть раз, но произнесла что-то вроде: „Это самый важный проект из всех, в которых я участвовала“ или „Благодаря проекту я стала другим человеком“. Наш режиссер — одна из самых талантливых и вселяющих вдохновение женщин, наша труппа (19 красивых, страстных женщин) — просто замечательная. Это

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО стало самым важным делом из всех, какими я до сих пор занималась. Я изменилась. Мы мудрые, вагиноговорящие женщины и мужчины! Сделанное нами будут помнить. Важно — и ты должна это знать, — что люди уже стали внимательнее к проблемам, о которых мы говорили.

Мне гордо и радостно БЫТЬ СВОЕЙ ВАГИНОЙ».

(Дженн, Вашингтонский университет, Сент-Луис)

Коллегам по «Инициативе вузов»

«Новый семестр навис над студгородком Ноксвилля, а с ним и „вагинозависимость“, все хотят вагину! Отзывы о нашем шоу были НЕВЕРОЯТНЫ! Зрители хлопали нам стоя, несколько раз вызвав на поклон, — настолько долгой была овация! Больше всего удивило количество мужчин в зале, почти треть от пришедших пятисот человек. Я предполагала, что явятся одни женщины, но, к моей вящей радости, мужчины тоже с удовольствием пришли, чтобы поддержать наши вагины. Я два дня плакала, у меня дрожали колени — и всё это от той исцеляющей силы, которая разлилась по миру благодаря „Дню V“. Сто раз спасибо всем! В тот необыкновенный вечер меня буквально пригвоздила к полу мысль: „А что я делаю сегодня, чтобы остановить насилие?“ Думаю, важно не останавливаться на достигнутом. С нетерпением жду, когда смогу поработать волонтером на нашей местной линии доверия по

поводу изнасилований. А какие у вас идеи? Пусть наше движение не замедляет ход! ВИВА ВАГИНА!»

(Линда, Университет Теннесси, Ноксвилль)

«„Монологи вагины“ сотворили с толпой из двух сотен человек невозможное, а для консервативного университета Брэдли это впечатляющая цифра.

Все происходящее внушало благоговейный трепет; когда нам хлопали пять минут без остановки, мы вместо поклона практически пали ниц. Сегодня мы усталые, но гордые. Решить маленькую задачку по спасению мира в День святого Валентина — что может быть лучше?»

(Ванесса, Университет Брэдли)

«Уверена, что моя жизнь или жизни других участниц шоу уже не останутся такими же, как раньше. И мне так нравится ощущать себя единым целым с людьми со всей страны и даже мира, ведь мы заняты одним общим делом. Нам помогало, нас поддерживало знание, что рядом есть умные, страстные, увлеченные женщины и мужчины, готовые выслушать, посмотреть, посоветовать, разделить с тобой любую проблему или радость. Я чувствую себя частью чудесной могущественной силы. Мы на пути к искоренению насилия, которое слишком долго терпели! И от этого на душе чертовски хорошо!»

(Кери, Университет Небраски, Линкольн)

«Передо мной отличный пример командной работы, причем не только здесь, в нашем студгородке, но и во всех командах „Инициативы“ по всему миру. Просто невероятно, сколько помощи и поддержки мы получили от Лютеранского университета. И никакой цензуры. Мне больше всего нравилось обучать. Я пыталась донести свою идею до окружающих, и по крайней мере 450 человек прониклись ею за короткий отрезок времени. Много работы? Да. Один мужчина подошел ко мне и сказал: „Алекс, я столько узнал за эти два часа“. Даже если я больше не получу ни одного отзыва о нашем шоу, мне будет достаточно этих слов. Ведь он будет говорить, расскажет друзьям, они задумаются... и, возможно, одно это уже что-то изменит. Я не собираюсь изменить мир за один день, я буду делать это постепенно, на протяжении всей жизни».

(Алекс, Тихоокеанский лютеранский университет)

МАНИФЕСТ «ДНЯ V»

ПОКА НЕ ИСЧЕЗНЕТ НАСИЛИЕ

Присоединяйтесь к движению «День V»!

Вместе мы сможем остановить насилие!

Цель «Дня V» — прекратить насилие над женщинами благодаря информированию общественности через проведение специальных мероприятий и через СМИ. Также необходимо собирать средства для поддержки организаций по защите женщин. «День V» — это организованный способ положить конец насилию над женщинами.

«День V» — это особое видение. Мы видим будущее за цивилизацией, где женщины свободны и живут в безопасности.

«День V» — это особый настрой, это утверждение, что жизнь нужно прожить создавая и преуспевая, а не пытаясь выжить и оправиться от страшных зверств.

«День V» — это катализатор, ускоряющий рост осведомленности общества о проблеме, дающий новые силы для общественной работы, образования, защиты прав.

«День V» — это живой развивающийся процесс: мы провозглашаем День святого Валентина Днем V до тех пор, пока окончательно не прекратится насилие над женщинами, и тогда он станет Днем V-иктории, Днем победы. Всего за три года «День V» собрал и передал общественным организациям более миллиона долларов на борьбу с насилием над женщинами по всему миру.

Первый «День V» был проведен в 1998 году в театре Хаммерштейн в Нью-Йорке с участием Вупи Голдберг, Гленн Клоуз, Сьюзан Сарандон, Калисты Флокхарт. Он собрал 150 тысяч долларов. В 1999 году «День V» прошел в лондонском театре Олд-Вик, были приглашены Танди Ньютон, Кейт Уинслет, Кейт Бланшет, Джиллиан Андерсон и Мелани Гриффит, собрано 275 тысяч долларов в фонд организаций против насилия. Более 60 американских колледжей и университетов отпраздновали «День V», собирая деньги и освещая проблему. В 2000 году «День V» был отпразднован в Лос-Анджелесе, а также в двадцати других городах по всему миру и в 150 колледжах. Более 785 тысяч долларов были переданы в местные, национальные и международные организации, направленные на борьбу с насилием.

ИСТОКИ И СТРУКТУРА «ДНЯ V»

«День V» возник в 1998 году как логическое следствие «Монологов вагины». Ив Энцлер выступала с пьесой в больших и маленьких городах по всему миру, и везде видела примеры и слышала ужасные истории насилия над женщинами; сотни женщин рассказывали ей, что пережили изнасилование, инцест, побои в семье, генитальные увечья. Стало ясно, что для устранения такой ситуации необходимо предпринять что-то серьезное, существенное. К Ив присоединилась группа женщин из Нью-Йорка, и вместе они основали «День V» — катализатор, движение, шоу, требующее прекращения насилия над женщинами.

«День V» стал еще одним видом благотворительности, он обосновался скорее в сознании и сердцах людей, чем в каком-то конкретном месте на карте. «День V» не платит за аренду офиса, не отчисляет обычных для организаций налогов, потому что, строго говоря, не является организацией. «День V» оплачивает только услуги независимых консультантов, а вся остальная работа проводится, в основном, волонтерами. Ив Энцлер никогда не получала от «Дня V» денег за свое авторство, игру, организационную деятельность. Благодаря такой постановке дел и отсутствию оплачиваемого штата «День V» может отдавать 85 % заработанных средств в фонды помощи.

ПОЛУЧАТЕЛИ СРЕДСТВ ИЗ ФОНДОВ «ДНЯ V»

«День V» гордится тем, что он является проектом центра «Тайдс». «Тайдс» занимается финансовыми и юридическими вопросами «Дня V», «подготавливает почву для социальных сдвигов с помощью сочетания качественных управленческих услуг и творческих программных мероприятий». Как некоммерческая общественная организация, центр «Тайдс» является доверенным органом для сбора и передачи средств в фонды. В качестве независимой организации центр «Тайдс» предоставляет финансовую поддержку и основные услуги по управлению новым некоммерческим программам и мероприятиям. На данный момент центр «Тайдс» поддерживает более трехсот проектов в сорока штатах США и двадцати странах. «День V» распределяет средства, собранные через пожертвования, продажу

билетов, рекламу и мерчендайзинг, на нужды общественных организаций и местных компаний, работа которых направлена на прекращение насилия над женщинами.

Средства от «Дня V» были перечислены в следующие организации: Проект «Анти-Насилие» (Anti-Violence Project, Нью-Йорк), «Руки помощи» (Break the Cycle, Лос-Анджелес), Центр помощи пострадавшим от сексуального насилия (Center Against Sexual Abuse, CASA, Аризона), Равенство сейчас (Equality Now, Нью-Йорк), Feminist.com (Нью-Йорк), «Дом Неба» (Haven House, Лос-Анджелес), Организация по контролю за соблюдением прав человека (Human Rights Watch, Нью-Йорк), Лос-Анджелесская комиссия по выявлению случаев насилия над женщинами (Los Angeles Commission on Assaults Against Women (LACAOW)), Центр по правам геев и лесбиянок (LA Gay and Lesbian Center, Лос-Анджелес), Проект по делам женщин Азии (Newham Asian Women's Project, Великобритания), «Новая надежда для женщин» (New Hope for Women, Белфаст), Центр планирования семьи (Planned Parenthood, Нью-Йорк), центр «Убежище» (Refuge, Великобритания), «Безопасность» — центр помощи жертвам изнасилования (Safe Place and Rape Crisis Center, Caracota), приют «Святое пристанище» (Sanctuary, Нью-Йорк), Кризисный центр Санта-Фе (Santa Fe Rape Crisis Center), Временное жилье для женщин, подвергшихся домашнему насилию, и их детей (Sojourn Services for Battered Women & Their Children, Лос-Анджелес), «Черные сестры Саусхолла» (Sout-hall Black Sisters, Великобритания), «Независимый дом женщин» (The Autonomous Women's House, Загреб, Хорватия), Революционная ассоциация женщин Афганистана (The Revolutionary Association of the Women

of Afghanistan (RAWA)), «Помощь женщинам» (Women's AID, Великобритания), Комиссия по делам женщин-беженок и детей (Women's Commission for Refugee Women and Children and Madre, Нью-Йорк), «Женщина и закон ислама» (Women Living Under Muslim Law, Франция и Алжир).

«ДЕНЬ V — ВСЕМИРНАЯ ИНИЦИАТИВА 2001»

«День V — Всемирная Инициатива 2001» будет оказывать городам и местным сообществам помощь в проведении мероприятий в честь «Дня V» по всему миру. Мероприятия будут проводиться в такой же форме, как и в предыдущие годы, так как она хорошо себя зарекомендовала. Главным событием станет постановка «Монологов вагины», пьесы, получившей награду «Obie Awards». В каждой постановке примут участие более или менее известные в своем городе женщины, будут собраны деньги в фонд организаций, ведущих работу по борьбе с насилием над женщинами. Где бы ни ставилась пьеса «Монологи вагины», везде она производит сильный эффект, часто коренным образом меняющий жизни людей. Поэтому одна из целей «Дня V» — как можно шире распространить свою идею, одновременно приносящую радость и меняющее сознание людей. Невозможно посмотреть пьесу и остаться равнодушным к ужасным последствиям безразличия общества к проблеме насилия над женщинами, несоблюдения

прав человека и к тому, как это может отразиться на любой из нас.

Движение «День V» обладает определенным терапевтическим, очищающим эффектом, основанным на женской способности говорить правду о насилии таким образом, что эта правда скорее прощает и освобождает, чем обвиняет. Расширяя движение «День V» так, чтобы оно охватывало как можно больше регионов и стран, мы получаем возможность использовать этот могущественный проект, чтобы ускорить распространение нашей точки зрения на недопустимость насилия и отсутствие для него места в цивилизованном обществе.

Посетите наш сайт:

www.vday.org

Или пишите нам по адресу:

info@vday.org

Box 1818, Grand Central Station,

New York, NY 10016

Нам важен каждый голос. Ваш может оказаться решающим!

Спасибо за ваш вклад в движение «День V»!

Вилла Шали Исполнительный директор проекта

БЛАГОДАРНОСТИ

Рождению этой пьесы и продвижению ее по всему миру помогало множество хороших людей. Я хочу поблагодарить тех смельчаков, которые пригласили меня и пьесу «Монологи вагины» в свои родные города, колледжи, театры. Это Пэт Крамер, Сара Раскин, Джеральд Блэйз Лабида, Хови Баггадонач, Кэрол Айсенберг, Кэтрин Гамон, Линн Хардин, Сюзанна Падок, Робин Херш, Гали Голд. Отдельное спасибо Стиву Тиллеру и Кливу Флауэрсу за шикарную премьеру в Великобритании и Раде Борик за организацию мероприятий в Загребе и за сестринскую поддержку. Благослови Бог великодушных, сильных женщин из Женского центра жертв военных действий в Загребе. Я хочу поблагодарить неординарных людей из театра «HERE» в Нью-Йорке за прекрасную постановку пьесы. Спасибо Рэнди Ролиссону и Барбаре Бусакино за энтузиазм и веру в пьесу, Венди Эванс Джозеф за прекрасные декорации и огромную творческую щедрость, Дэвиду Келли и Хизер Карсон за сексуальное, смелое освещение, Алексу Эвансу и Ким Кефген за терпение и танец «пиписьки», который они исполняли вместе со мной на каждом представлении. Хочу поблагодарить Стивена Певзнера за огромную помощь и за успешный старт проекта, а Роберта Левитана — за веру в нас. Спасибо Мишель Стеклер за бессменное присутствие в зрительном зале, Дону Сама за освещение в прессе, Алисе Соломон, Алексис Грин, Ребекке Мид, Крису Смиуту, Венди Вайнер, Мс «The Village Voice» и «Mirabella» за полные любви и уважения отзывы о пьесе. Хочу поблагодарить Глорию Стейнем за прекрасные слова и за поддержку, Бетти Дотсон за любовь к вагинам и за то,

что она положила начало всему этому. Благодарю Шарлоту Шиди за уважение ко мне и за борьбу со мной, Марка Кляйна за ежедневную работу, неоценимую помощь и безграничное терпение. Хочу поблагодарить Кэрол Боди за поддержку в годы безденежья, ее пропаганда проложила пьесе путь сквозь человеческий страх и дала ей возможность состояться. Благодарю Виллу Шали за абсолютную веру в меня, за ее талант и за мужество в продвижении пьесы по миру. Спасибо Дэвиду Филипсу, он мой ангел, появляющийся по первому зову. Спасибо Лорен Ллойд за Боснию. Спасибо Нэнси Роуз за ее опытное и мягкое руководство. Отдельное спасибо Мэриэн Шнолл, Салли Фишер, Feminist.com и организационному комитету «Дня V». Благодарю Гари Саншайна за появление в нужное время. Я благодарна моему необыкновенному редактору, Молли Доил, за то, что она с самого начала была моим верным товарищем, и за защиту прав книги в нескольких издательствах. Спасибо Мэриью Руччи за понимание и за помощь в воплощении замысла книги. Спасибо Виларду, что не испугался. Спасибо друзьям, которые стали мне благословением: Пауле Ален за прыжки, Брендe Курин за перемены в моей карме, Диане де Вейг, чья щедрость спасла меня, Джеймсу Лисенсу за веру в меня, Марку Матусеку, заставлявшему меня двигаться дальше, Пауле Мазур за большое путешествие, Тиа Стоун за то, что была рядом, Сапфиру за раздвижение границ, Киму Розену, разрешившему мне дышать и умирать. Я благодарю великих женщин: Мишель Макхуг, Дебби Шехтер, Макси Коэн, Джуди Катц, Джуди Коркоран, Джоанну Стейн, Кэти Наджими, Тери Шварц и «Betty girls» за вечную любовь и поддержку. Хочу сказать спасибо моим наставникам: Джоан Вудвард, Ширли Найт,

Линн Остин, Тине Тернер. Спасибо моей маме Крис, моей сестре Лауре, Моему брату Куртису за то, что прошли сложный путь, чтобы снова быть вместе. Выражаю признательность сильным, мужественным женщинам из программы SWP, которые постоянно сталкивались с противостоянием и сметали все преграды на своем пути; особенно я благодарна Маритце, Тарусе, Стейси, Илисе, Белинде, Дэниз, Стефании, Эдвине, Джоанне, Беверли и Таване. Спасибо всем женщинам, которые впустили меня в свою интимную жизнь, доверились мне, рассказали свои истории и раскрыли секреты. Пусть эти истории помогут Хану, Кэти, Молли, Адису, Лулу, Эллисон, Оливии, Сэмми, Изабелле и другим ощутить себя свободными и защищенными. Благодарю моего сына Дилана, который научил меня любить, и мою внучку Коко за то, что родилась. И, наконец, я благодарю своего гражданского мужа, Ариэля Орр Джордана, вместе с которым мы задумали этот проект, его доброта и чуткость стали для меня лекарством, стали основой всему.

С момента первой публикации книги в работу над «Монологами вагины» включилось еще немало народа. Спасибо Джой де Менил за проницательность, страсть и внимательность в работе над первым изданием и за то, что заставляла меня писать больше. Хочу поблагодарить Джоржа Лэйна за мягкость, защиту, веру в меня. Спасибо Пэт Митчелл за ее верную дружбу. После первой публикации «Монологов вагины» пьеса была поставлена в экспериментальном театре Вестсайд, премьера состоялась 3 октября 1999 года.

Эта постановка вдохнула в пьесу новую жизнь. Благодарю Дэвида Стоуна, главного режиссера пьесы, за оригинальное видение, упорство и веру в «Монологи

вагины», а также за продвижение пьесы по всему миру. Особая благодарность ему за то, что погрузился в движение «День V» с головой и помогал проекту с продажей билетов. Большое спасибо Джо Мантелло за его отличное чутье, ненавязчивое изящное руководство, за то, что научил меня относиться к себе не так серьезно, что убедил меня снять обувь. Благодарю Эбби Эпштейна за вдумчивое, мудрое, деликатное общение с женщинами и за огромную поддержку. Хочу сказать спасибо Нине Эссман за веру в «Монологи вагины», за ее невероятно тяжелую работу, за то, что помогла мне подобрать платье. Спасибо Эрику Шноллу за умный, серьезный и личностный подход к расширению границ нашего сообщества. Спасибо Лой Арсенас за магический вагино-занавес и за умение видеть прекрасное. Благодарю Беверли Эммонс за ошеломительные розовые, красные, фиолетовые лучи, за освещение, которое создало ощущение женственности и агрессивности одновременно. Спасибо Барнаби Харрису за перерывы на сон, за беготню перед началом представления, за его невероятную энергию и за защиту. Благодарю Шаэл Норрис Мансманн за ее любящие руки, за тени для глаз, за вечную борьбу с моей челкой, за ее постоянную заботу и доброту. Спасибо Сьюзан Варго за невероятное мастерство, за возвращающий к жизни массаж и за ее огромное сердце.

Спасибо Мишель Бауэр за вкусное печенье с кленовым сиропом посреди зимы и за то, что смешила меня. Еще немало людей взяли на себя ответственность за сложную жизнь «Монологов вагины» в театре и за его пределы. Хочу поблагодарить Доменик Сак, Жоэль Папе, Джун Гриффин, Роба Коновера, Артура Левиса, Джима Семмельмана, Карен Мур, Анну Хофман, Дэна

Маркли, Майка Скиппера, «The Agasa Group», Эрику Дэниэлс, Эму Мерлино, Патрика Карулло, Питера Аскина, Терри Берн, Эрика Осборна, Рассела Оуэна, Сюзанну Эбботт, Роберта Фортьера, Томаса М. Тире-младшего, Мариссу Йо, Кейт Салливан, Чада Района Минза, Чарли Чива, Дональда «Бака» Робертса, Билла Батлера, Дэвида Калоднера, Тони Липпа, Джоша Поллака, Гари Герша, Лари Таубе и Сью Либман. И, конечно же, я благодарю всех актеров, которые великолепно, от всей души играли в «Монологх вагины». Спасибо им за чудесный талант, энтузиазм и желание остановить насилие над женщинами.

ОБ АВТОРЕ

Ив Энцлер — всемирно известный драматург, многие ее работы были поставлены на сцене. Это «Плавучая Ронта и склеенный человек», «Монологи вагины» (награждены премией «Obie Award») и «Отличное тело». Постановки «Монологов вагины», при поддержке проекта «День V» (www.vday.org), собрали 25 миллионов долларов на борьбу с насилием над женщинами и девочками по всему миру. Ив живет в Нью-Йорке.

Примечания

1

Марио Томас — телеведущий и писатель, автор книг «Путеводитель журнала „Playboy“ по барам», «Поваренная книга полуночника» и т. д.

2

Донна Ганновер — актриса и продюсер, звезда сериала «Закон и порядок», бывшая жена мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани.

3

Кэти Ли Гиффорд — сценарист, певица и актриса, обладательница 11 премий «Эмми».

4

Калиста Флокхарт — актриса, звезда сериала «Элли Макбил».

5

Дэвид Леттерман — актер, телепродюсер, ведущий популярного вечернего ток-шоу.

6

Барбара Джилл Уолтерс — актриса, ведущая новостей, влиятельная персона в мире СМИ.

7

«Дарма и Грег» (1997–2002) — популярный американский комедийный сериал.

8

Гленн Клоуз — актриса, звезда фильмов «Опасные связи», «Роковое влечение», «101 далматинец»; 5 раз номинировалась на «Оскар».

9

Това Фельдманштерн — выдающийся американский педагог.

10

Традиционная еврейская выпечка к празднику Пурим.

11

Аланис Мориссетт — канадско-американская певица, продюсер и актриса.

12

Одра Макдональд — американская актриса и певица, 4 раза номинировалась на премию «Тони».

13

Танди Ньютон — английская актриса американского происхождения, звезда фильмов «Миссия невыполнима 2», «Хроники Риддика»